ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

№ 1 (115) 2016

Алена Сцяпанава: «Мы правакуем думаць, а не верыць»

Спакуса стаць ваяром Святла

Да пары да часу беларуская і расійская афіцыйная прапаганда фактычна дзьмулі ў адну дуду.

Ігар Якавенка: «Не журналістыка, а медыяфрэнія»

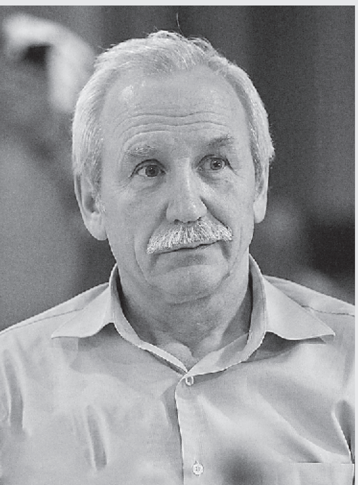
Медыяфрэнія — гэта медыйны хвост, які віляе палітычным сабакам.

Страшнае кіно пра дзяцей

Нянавісці ў фільме няма. Ёсць пранізлівы жаль, сорам, абурэнне, бяссілле, неўразуменне і пытанні.

З юбілеем, «Свободные новости»!

«Чвэрць стагоддзя выстаяла, засталася жывой і нават з надзеяй глядзіць у будучыню газета, якая ўсе гэтыя гады бязлітасна пераследавалася ўладай. Змяняліся назвы не для прыгажосці і не па прыхамаці рэдакцыі. Двойчы наглуха, як здавалася чыноўнікам, нас зачынялі і яшчэ безліч разоў „прычынялі“ ў спадзяванні, што нарэшце загнемся. Не загнуліся — да радасці чытачоў і на расчараванне ўладзе», — зазначае рэдактар Васіль Зданюк.

Адметна, што ў лютым 1991 года ідэя распаўсюджваць медыйны прадукт, альтэрнатыўны «генеральнай лініі партыі», нарадзілася ў нетрах газеты «Звязда», галоўнага друкаванага органа ЦК КПБ. Першыя камяні ў падмурак «Свободных новостей» закладалі «звяздоўцы» Уладзімір Андрыевіч ды іншыя. А неўзабаве рэдактарскую пасаду на сталай аснове заняў Аляксандр Уліцёнак, таксама «выпускнік» старэйшай дзяржаўнай газеты. Былы ваенны карэспандэнт Васіль Зданюк стаў рэдактарам «Свободных новостей» у 2003 годзе, змяніўшы на пасадзе Аляксандра Уліцёнка.

Школу «Свободных новостей» прайшлі дзясяткі журналістаў, якія сталі вядомымі.

«25 гадоў, срэбнае вяселле газеты і яе прыхільнікаў. Каб гэта быў шлюб па разліку, наш саюз даўно б распаўся, як разваліўся ён у большасці калегаў, што разам з намі пачыналі свае выданні на пачатку 1990-х. Але ў нас з чытачамі ўсё па любові!» — кажа Васіль Зданюк.

«Сто лят!» зычыць калегам Беларуская асацыяцыя журналістаў і рэдакцыя «Абажура».

(У тэксце скарыстана інтэрв'ю Радыё Свабода)

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

№ 1 (115) 2016

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Здымак на першай старонцы вокладкі Ігара Мацьвеева

Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009.

Падпісана да друку 25.02.2016.
Дата выхаду 04.03.2016.
Фармат 60х84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 500 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7—32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

СПАКУСА стаць ваяром

Два аўтарытарныя рэжымы — беларускі і расійскі — шмат у чым падобныя. Адно што Беларусь — не імперыя. Яшчэ болей, пасля Крыма Аляксандр Лукашэнка асабліва востра адчуў небяспеку для сваёй улады менавіта з усходу. Мінск узмацніў геапалітычнае лавіраванне, і гэта адбілася, у прыватнасці, на тэматыцы, танальнасці, акцэнтах беларускай афіцыйнай прапаганды. Разам з тым канфлікт вакол Украіны стаў выклікам і для нашых недзяржаўных СМІ.

Аляксандр КЛАСКОЎСКІ

Да пары да часу беларуская і расійская афіцыйная прапаганда фактычна дзьмулі ў адну дуду. Беларуская выглядала, бадай што, нават болей антызаходняй, бо рэжым падпадаў пад санкцыі, яго правадыра абвяшчалі «апошнім дыктатарам Еўропы», а сам афіцыйны беларускі лідар не мог прамаўчаць, калі траплялі пад раздачу Мілошавіч, Хусейн, Кадафі. Крэмль тады яшчэ падтрымліваў болей-меней прыстойныя дачыненні з заходнікамі, Пуцін ездзіў на пасяджэнні «вялікай васьмёркі» і г. д.

Але потым логіка «паўставання Расіі з каленяў» жорстка пасварыла яе кіраўніцтва з Еўразвязам, НАТО, Злучанымі Штатамі. І пракрамлёўскія медыі сталі проста «мачыць» праклятых заходніх супастатаў, вінаваціць іх ва ўсіх расійскіх праблемах. Тыя ж, хто захаваў цвярозы розум, сталі жартаваць: ніколі расейцы не жылі так кепска, як пры Абаму.

Святла

«Пасля Крыма»: шляхі Масквы і Мінска разышліся

Рубіконам для многіх расійскіх СМІ стала анексія Крыма. Градус антыўкраінскай і антызаходняй істэрыі зашкаліў. У медыях, мабілізаваных Крамлём на інфармацыйную вайну, былі цалкам адключаны тармазы, адбыўся поўны распад прафесійнай маралі. Класікай фэйкавага жанру стаў сюжэт пра хлопчыка, нібыта ўкрыжаванага «ўкраінскімі фашыстамі» ў Славянску.

Між тым беларускія дзяржаўныя СМІ ў дачыненні да расійска-украінскага канфлікту, які паставіў на мяжу халоднай вайны і стасункі Крамля з Захадам, занялі адносна стрыманую пазіцыю (хоць прарасійскія ноткі і праскоквалі). Ніякага дзіва ў тым не было, бо беларускае кіраўніцтва, прымерыўшы імперскую пагрозу на сябе, вырашыла, наколькі гэта магчыма, дыстанцыявацца ад Масквы ва ўкраінскім пытанні. То бок праслізнуць паміж кропелькамі, каб не патрапіць пад раздачу ў гэтым сутыкненні між вялікімі цэнтрамі сілы. Наадварот, праз нейкі час Мінск увайшоў у смак міратворчасці і пачаў прадаваць заходнікам сваю місію «донара стабільнасці ў рэгіёне».

Карацей, беларускія дзяржаўныя СМІ ваганіся разам з «генеральнай лініяй». Калі засвяціла перспектыва нармалізацыі стасункаў з Еўразвязам і ЗША, у дзяржаўных газетах, на тэлебачанні сталі нават культываваць абмежаваны плюралізм. Мне самому даводзілася некалькі разоў трапляць на токшоу ў студыю АНТ як выказніку альтэрнатыўных поглядаў (у прыватнасці, палемізаваць з адэптамі «русского мира» на ўкраінскую тэму).

Хаця такія ток-шоу маюць маніпуляцыйны характар, гэта для незалежнага палітычнага журналіста добры трэнінг — адточваць мысленне, навучацца імгненна знаходзіць моцныя аргументы, якія б уздзейнічалі на людзей, маючых зусім іншы светапогляд. Бо калі мы, журналісты, варымся ва ўласным соку, працуем найперш на ўмоўна апазіцыйную аўдыторыю, то часта збіваемся на павярхоўнасць, схематызм, паўтор заклінанняў.

Калядны хакей на тле валютнай турбулентнасці

Тым часам стала на вачах здзімацца надта распрапагандаваная ў тлустыя гады нафтавага афшору «беларуская мадэль развіцця». І тутэйшая прапаганда ўзялася па поўнай праграме эксплуатаваць украінскую тэму ў сакраментальным ключы «абы не было вайны». То бок не стагніце, беларусы, што кашалькі худнеюць, радуйцеся, што не свішчуць

кулі над галовамі, не выбухаюць снарады на аўтобусных прыпынках. І самі ведаеце, каму трэба дзякаваць за мудрую палітыку, што ратуе сінявокую рэспубліку ад крывавага хаосу.

Навідавоку і яшчэ пара прапагандысцкіх трэндаў, звязаных з эканамічным крызісам у нашай краіне. Цяпер, калі тупа хваліць беларускую мадэль стала ну зусім ужо не ў дугу, дзяржаўныя медыі ўсё часцей выкарыстоўваюць фігуру змоўчання і перанос фокусу. Падае рубель, адбываецца фактычна яшчэ адна дэвальвацыя, а ў тых СМІ галоўныя навіны — пра калядны турнір з удзелам самі ведаеце каго. Урара, мы ўсіх перамагаем. Што ж да фінансаў, то верх «галоснасці» — глуха згадаць пра «турбулентнасць» на валютным рынку. Ці пераможна абвясціць, што сёння беларускі рубель адгуляў пазіцыі (калі назаўтра ён яшчэ болей упадзе на біржавых таргах, то пра гэта, натуральна, не напішуць).

Збольшага пастараліся замыліць дзяржаўныя медыі і тэму прысуджэння Нобелеўскай прэміі Святлане Алексіевіч, паколькі лаўрэатка адзначылася непрыемнымі для беларускага кіраўніцтва палітычнымі ацэнкамі.

Не ўлазіць у палітычную грызню

Між тым грамадская дыскусія вакол трыўмфу Алексіевіч, яе твораў і выказванняў засведчыла, што і наша незалежная супольнасць сур'ёзна пакутуе на бальшавіцкую нецярпімасць, у прыватнасці, на непавагу да свабоды творчасці. Максімалісты закідалі пісьменніцы на недастатковае служэнне нацыянальнай ідэі і да т. п. Некаторыя дапісаліся да таго, што прылічылі яе да «імперскага рускага свету».

Так, самастойнае мысленне, нежаданне хадзіць у шыхце — гэта няпросты спосаб існавання. Незалежны журналіст у Беларусі таксама нярэдка апынаецца не толькі пад уладным ціскам. Трэба шчыра казаць і пра псіхалагічны ціск апазіцыйнага (у шырокім сэнсе) асяроддзя, які ўзмацняецца сёння феноменам сацыяльных сетак. Фэйсбучныя радыкалы раз-пораз дзяўбуць журналіста: чаму ты кепскі змагар? чаму на прэс-канферэнцыі не заклеймаваў дыктатара? нашто вы, журналісты, просіце яго даць інтэрв'ю? Гэта ж падгульванне, спрыянне легітымацыі і г. д.

У такіх крытыкаў няма элементарнага разумення місіі прэсы. Журналіст мусіць хапацца за магчымасць зрабіць інтэрв'ю хоць з чортам, калі той чорт можа даць каштоўны эксклюзіў. І калі ў краіне дэ-факта сапраўды адзін палітык (астатнія — гаспадарнікі і дысідэнты), то заклікі маргіналаў, каб незалежныя медыі абвясцілі інфармацыйны байкот таму, хто рэальна вызначае (ва ўсім разе ў значнай ступені) лёс краіны, недарэчныя. Бо такі падыход толькі маргіналізаваў бы самі медыі.

У каго-кольвек, на жаль, няма таксама разумення, што прэс-канферэнцыя з дзяржаўным кіраўніком — гэта не апазіцыйны мітынг. Журналіст мусіць фармуляваць хай сабе вострыя, аднак карэктныя, прафесійна адшліфаваныя пытанні.

Так, палітычная сфера ў нас дэфармаваная, крывая. Многія палітычныя працэсы маюць ў значнай ступені дэкаратыўны характар. Але не пісаць, напрыклад, пра выбары ці пісаць пра іх выключна ў катэгорыях кшталту «ганебны фарс» прэса не можа. Ва ўсякім разе, інфармацыйныя жанры вымагаюць нейтральнай стылістыкі, падабаюцца вам тыя выбары ці не. Так, сусветныя агенцтвы пішуць пра электаральныя кампаніі нават у самых недэмакратычных краінах. Ды і журналісту-аналітыку лепей пазбягаць ярлыкоў, даводзіць сваё аргументамі, а не эпітэтамі з антырэжымных пракламацый.

Між тым, напрыклад, былы палітвязень Мікола Статкевіч бязлітасна раскрытыкаваў недзяржаўныя медыі за асвятленне мінулай прэзідэнцкай кампаніі: «Нельга фармаваць хлуслівую карціну свету. Таму што пад час гэтай кампаніі медыі паспрабавалі адлюстраваць спектакль як нешта сапраўднае». На думку апазіцыянера, «асвятленне СМІ гэтых нібыта выбараў і нібыта альтэрнатыўных кандыдатаў, фіктыўных апанентаў Лукашэнкі, было часткай спецаперацыі, арганізаванай уладамі».

Пакінем у баку канспіралогію (перакананне, што ўся прэса пад каўпаком, што супрацоўнікі спецслужбаў ледзь ці не надыктоўваюць тэксты). Зазначым, па-першае, што прэса рэагуе на ўсе значныя інфармацыйныя нагоды незалежна ад маральнасці ды іншых якасцяў дзейных асоб. Па-другое, вось глядзіце: асобны працаўнік рэжыму для сябе падзяліў апазіцыю на «чэсных» і «нячэсных». Але чаму прэса мусіць браць за аснову менавіта ягоную класіфікацыю? А чаму не класіфікацыю, напрыклад, КХП-БНФ, для якой практычна ўсе, хто не стаіць на іх платформе, — «псеўды».

Насамрэч жа зразумела, што нармальнай прэсе нельга ўзбройвацца ярлыкамі (тым болей што доказаў, хто агент, а хто не, няма). Варта быць увогуле па-над гэтымі разборкамі. Калі ўлезці ў бясконцую ўнутрыапазіцыйную грызню (прычым альянсы раз-пораз перафарматоўваюцца і распадаюцца), то капец журналістыцы.

Фота Барыса Гарэцкага

Інфармацыйная вайна: выклікі для журналістаў

Крамлёўская прапаганда, мяркуе расійскі медыйны эксперт Ігар Якавенка, з якім мне давялося гутарыць, сёння набыла асаблівае аблічча. Калі класіка жанру — гэта стварэнне пэўнай карціны свету, накіданне нейкай сістэмы каштоўнасцяў, то цяпер задача болей грубая і болей разбуральная — стварыць у галовах хаос, культ алагічнасці. Якавенка называе гэты феномен медыяфрэніяй.

Узяць падачу гісторыі са збітым над Данбасам малайзійскім «боінгам». Было ўкінута столькі фэйкаў, якія супярэчылі адзін аднаму, што ў расійскага абываценя, які не мае альтэрнатыўнай інфармацыі, мусіла стварыцца ўражанне: да праўды тут ніколі не дакапацца.

Зразумела, што на выклікі інфармацыйнай вайны Кіеў мусіў адказваць шэрагам надзвычайных захадаў, аж да спынення вяшчання расійскіх каналаў. Натуральна, што і з украінскага боку ўзяліся за справу адмыслоўцы адпаведнага профілю.

Як зазначае кіеўскі медыйны эксперт Дзмітрый Сурнін, на інфармацыйнай вайне «свет становіцца плоскім, бы манета». Калі ты ўдзельнік, то ты можаш быць або на адным баку, або на іншым. Але журналіст, на думку эксперта, не мусіць быць суб'ектам такой вайны: «Калі ён удзельнічае — гэта ўжо іншая прафесія». Вядомы ўкраінскі журналіст Мустафа Наем, з якім я сустракаўся ў Кіеве ў 2014 годзе, адразу пасля анексіі Крыма і ў разгар падзей на Данбасе казаў, што сур'ёзныя медыі яго краіны і ў гэтых надзвычайных умовах трымаюцца прафесійнага падыходу: «Расійскія СМІ хочуць паказаць пэўную карцінку, мы ж хочам даведацца праўду».

Падкрэслім гэты прынцыповы момант: інфармацыйная вайна — не журналісцкі занятак. Медыі, што шануюць прафесіяналізм і цэхавую мараль, не мусяць адказваць сіметрычна: на мову нянавісці — такой самай нянавісцю, на фэйкі — фэйкамі, на хлусню — хлуснёй. Нельга нават проста замоўчваць нязручныя тэмы, бо ідзе, маўляў, святая барацьба.

Між тым гэта вялікая спакуса — стаць ваяром Святла. Асабліва ў перыяды, калі грамадства палярызуецца, як пад уплывам украінскіх падзей. «Пасля Крыма» некаторыя лідары беларускай грамадзянскай супольнасці сталі штурхаць незалежных журналістаў у акопы святой вайны супраць «русского мира». Ды папракаць за недарэчны аб'ектывізм: маўляў, кіньце сваё інтэлігенцкае чыстаплюйства, клін клінам выбіваюць, на вайне як на вайне.

Сапраўды, пагроза з усходу на тле ўкраінскага сюжэту стала болей відавочная і для Беларусі. І гэта пэўна ж мусіць улічвацца ў рэдакцыйнай палітыцы айчынных СМІ. Але і ў межах гэтай вострай тэматыкі працаваць варта строга паводле стандартаў журналістыкі. У яе багатая палітра жанраў, уключна з аналітыкай, якая можа быць жорсткай, з публіцыстыкай, якой належыць быць вострай, эмацыйнай, палемічнай, наступальнай. Але ўвогуле рэальнае жыццё далёкае ад маніхейскай карціны. І я перакананы, што люстэркавы адказ на расійскую прапаганду — гэта для нас тупіковая стратэгія.

Мяжу між журналістыкай і прапагандай часам правесці няпроста, аднак яна існуе. Вядомы расійскі аналітык Аляксандр Гольц у гутарцы са мной правёў такую паралель: хірург карыстаецца скальпелем, прафесійны дыверсант карыстаецца халоднай зброяй. Гэта падобныя інструменты, аднак мэты зусім розныя. Гэтак сама, на яго думку, адрозніваюцца мэты журналіста і прапагандыста: «Калі журналіст пачынае ўтойваць, скажаць, замоўчваць вядомыя яму факты, ён ужо на іншым баку. Ён ужо не працуе журналістам. Ён працуе прапагандыстам. Гэта ўжо іншая прафесія».

Сапраўды, медыйны працаўнік не мусіць ператварацца ў ваяра на ідэалагічнай барыкадзе, хай сабе пад самымі высакароднымі лозунгамі. Прычым я маю на ўвазе не толькі праблему супрацьстаяння «русскому миру», але і ўнутрыпалітычную барацьбу ў самой Беларусі. Калі ты робіш свой інструментарый зброяй, то апынаецца пад ударам твая прафесійная місія.

Игорь Яковенко: «Не журналистика, а медиафрения»

Всех мало-мальски здравомыслящих людей, мягко говоря, удивляет происходящее на центральных российских телеканалах. Ежишься от наступательной ненависти, раздражаешься от откровенной лжи, а то и хамства, которое вдруг приветствуется аплодисментами в студиях «политических» ток-шоу. Лет десять-пятнадцать назад такое и представить было невозможно.

Что же случилось с российским телеэфиром?

Этим вопросом задаются не только те, кто смотрит российские каналы из-за рубежа. Известный российский медиааналитик и журналист, бывший секретарь Союза журналистов России и нынешний преподаватель МГИМО Игорь Яковенко обозначает все ныне происходящее термином «медиафрения». Потому что, по его словам, явление, господствующее сейчас в российских СМИ, в корне отличается и от журналистики, и от привычных нам форм пропаганды и информационной войны. Происходящее требует осмысления и иных наименований.

На семинаре в Минске Яковенко рассказал о медиафрении: почему она возникла и продолжает существовать. «Абажур» приводит выдержки из его рассуждений.

Медиафрения — это медийный хвост, который виляет политической собакой.

Что это было?

То, что происходит в постсоветской журналистике, совершенно невозможно оценивать в привычной системе координат. Это принципиально отличается от того, чем является журналистика вообще, принципиально отличается от категорий, в которых мы привыкли оценивать происходящее.

Мы часто по привычке говорим, что это пропаганда, но это не пропаганда в классическом смысле этого слова. Это отличается от пропаганды.

Это принципиально отличается от информационной войны: очень мало общего с формами и образцами, продемонстрированными в свое время «холодной войной». Мы столкнулись с принципиально новым явлением, которое требует осмысления и иной понятийной сетки. Важно понять, с чем мы имеем дело.

Пусть вас не удивит, но я буду использовать тот термин, который ввел в оборот лет десять назад, — «медиафрения».

Почему не журналистика?

Мне очень понравилось, как один из самых умных ректоров МГГУ Анатолий Логунов еще в советские времена сказал про журфак: «У меня в университете есть факультеты естественные, неестественные и один факультет противоестественный». «Противоестественный» — это, конечно, журфак. Само-собой, Логунов пошутил, но в каждой шутке есть доля шутки.

В чем противоестественность нашей профессии? Возьмем профессию инженера: он должен знать инженерные специальности. В профессии врача базисом являются фундаментальные знания в области медицины, анатомии, физиологии человека. Профессия журналиста — одна из тех немногих профессий, в которой фундаментом являются профессиональные знания не в самой журналистике, а профессиональные знания в чем-то ином. Хороший экономический обозреватель — это и хороший экономист. Хороший политический обозреватель — политолог. Спортивный обозреватель, для того чтобы интересно рассказывать о спорте, должен хорошо знать тему спорта и т. д.

Иначе говоря, фундаментом являются профессиональные знания не в журналистике, а в другой сфере.

Следующий слой знаний в журналистике — это уже ремесло. Журналист использует инструменты своей профессии. Он должен знать, что такое лид и как его написать, он должен правильно закольцевать тему, правильно расставить акценты. Знать, как взять интервью, как смонтировать сюжет… В определенной степени это уже не профессия, это действительно ремесло.

Следующий уровень — это талант. Можно на ремесленном уровне, зная тему, что-то излагать, но аудитории это будет неинтересно. В журналистике это или литературный талант (пишущий журналист — прежде всего литератор), или актерский, режиссерский талант (для работников телевидения и радио).

Ну и, наконец, вершина этого айсберга — набор ценностей. Можно быть очень талантливым, профессиональным человеком. Но если вы изначально не принимаете для себя, что журналиста делает не только талант, ремесло, профессионализм, но и признание того, что журналист должен говорить правду, не должен служить никому, кроме профессии и своей аудитории, не должен заниматься сливом компромата и так далее, то вы — не журналист.

Возьмем для примера такого человека, как Сергей Доренко. Явление в медиасреде. Безусловно, профессионал, очень образованный человек, безусловно, владеет ремеслом, у него актерский талант, он умеет играть и голосом, и лицом. Но он полностью лишен набора ценностей и этических норм журналистики. И это одно обнуляет все его предыдущие таланты. Если что-то множить на ноль, получается ноль. Так и здесь — отсутствие ценностей в результате обнуляет все и человек журналистом уже не является.

Когда я пытаюсь оценивать, что происходит в нашем медийном пространстве, то пробую поместить предмет своего исследования в эту своеобразную таблицу журналистских элементов. Каждое явление я старюсь поместить в эту четырехосную систему координат. Медиафрения туда не вмещается.

Не пропаганда

Что такое медиафрения и чем она отличается от того, что мы обычно подразумеваем под пропагандой, информационной войной и т. д.?

Участникам семинара была предложена непривычная «система координат»

Когда возникает информационная война и просто война, исчезает журналистика. Если при войне журналистика сохраняется, то это означает, что война локальная, маленькая. Когда была война в Чечне, журналистика могла сохраняться, потому что она не затрагивала все российское общество. Когда американцы вели войну во Вьетнаме, там сохранялась журналистика, потому что война была далеко. Если большая, полноценная война — журналистика в этот момент исчезает вообще.

Информационная война — это сопроводительный процесс, который существует рядом с обычной войной. И есть специально обученные тому люди, «журналисты в погонах», которые обеспечивают информационное сопровождение обычной войны.

Пропаганда — это формирование в головах аудитории какой-то определенной картины мира: ценностной, политической, мировоззренческой. Обычно заказчиком пропаганды является государство или какие-то политические субъекты. При этом пропагандистская машина в системе государства занимает определенное место.

Есть несколько примеров, которые ставят зримый водораздел между этими понятиями и тем, что происходит сегодня в России. Когда люди сравнивают то, что происходит сейчас в России, с Советским Союзом, это то же самое, что сравнить акулу с дельфином. Все вроде одинаковое: сходные очертания тела, оба — в воде. Но есть принципиальная разница: одна — рыба, другой — млекопитающее.

Для того чтобы понять разницу между сталинской пропагандой и путинской медиафренией, я приведу только один пример. Подписание пакта Молотова — Риббентропа было мгновением, когда по одному щелчку диаметрально на 180 градусов изменился контент. В ноль часов произошла смена ориентиров. До этого ругали фашизм, нацизм, Гитлера, Кукрыниксы рисовали крысу с чернильной кляксой под носом в виде усов. Сразу после подписания пакта, в один момент, на следующий же день — ни одной карикатуры на Гитлера, ни одного плохого слова про нацистскую Германию, потому что это был сугубо встроенный во власть механизм «шестеренок», обеспечивавший заданное властью.

В сегодняшней России сколько было мнений и выводов, что по каким-то внешним и внутренним причинам нам надо перестать ругать Украину, обзывать Порошенко бандеровцем… Прогнозировали, что слово «хунта» исчезнет из лексикона российской прессы. Я отслеживаю российскую прессу постоянно — ничего похожего не произошло.

Медиафрения — это высокий уровень автономности, самостоятельности и преследования собственных интересов в российской медиаиндустрии. Да, цели корректируют. Раньше ходили за инструкциями к Суркову, теперь ходят к Володину на инструктаж, но есть высокий уровень преследования собственных интересов, автономии.

Медиафрения — это медийный хвост, который виляет политической собакой. Это очень важное отличие. Ничего похожего ни в гитлеровской, геббельсовской пропаганде, ни во времена СССР не было. Представить себе, что кто-то продолжает политику «не в ту степь», было невозможно.

Как хвост виляет собакой

Казалось бы, в интересах нашей (российской. — *Ред.*) политики, нашей пропаганды — снизить градус напряженности в отношениях с Украиной, с Западом, с США. Но медиафрения продолжается все равно. Почему?

Причин несколько, но назову сейчас только одну, самую главную и простую — самостоятельность интересов генералов нашей медиафрении, самостоятельность интересов лейтенантов, капитанов и адмиралов российских информационных войск.

Происходящее в постсоветской журналистике совершенно невозможно оценивать в привычной системе координат.

Для них медиафреническое состояние общества является очень важным инструментом повышения собственной капитализации.

Перейду на личность, на такое явление, как Владимир Рудольфович Соловьёв. Он, безусловно, номер один в системе наших российских медиафренических координат. Человек невероятно обеспеченный, имеющий в неделю несколько часов федерального эфира в прайм-тайм. Три с половиной — четыре часа идет «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым». При этом «Воскресный вечер» в некоторых случаях у него бывает каждый день начиная со вторника — такой странный в России календарь. Скажите мне, если у России будет все нормально с Украиной, если у нас восстановятся нормальные отношения с Западом, мы перестанем воевать со всем миром и перестанем искать у себя в стране «пятую колонну», нужен ли будет кому-то этот бесконечный «Воскресный вечер»?

И так — у всех. Все прекрасно понимают, что как только снизится градус истерии, как только снизится градус ненависти, тут же вместо бесконечных «Воскресных вечеров» поставят Петросяна или Аллу Борисовну Пугачеву.

Медиафрения требует жертв

Само медиафреническое состояние общества на самом деле требует постоянной подпитки, разжигания. Ненависть — это наркотик. Когда значительная часть населения после работы вечером приходит к телевизору и, открывая пиво, задается первым вопросом: «А че там у хохлов?», — такое состояние надо поддерживать. Это наркотик ненависти, который требует показать, какой ужас творится в Украине, как плохо сейчас на Западе…

Почему такая истерика творится по поводу обнаруженного Первым каналом изнасилования в Германии? Потому что разожгли тему, что на Западе все ужасно, Европа закатывается, Америку расчленило и смыло океанской волной. И это надо постоянно подогревать. Поэтому от «распятого мальчика» в украинском Славянске перешли к «изнасилованной берлинской девочке».

Очень скоро было доказано, что «оперативно» поданная российскими телевизионщиками информация — фейк. Тем не менее по Первому каналу продолжают тиражировать этот фейк, не упоминая о запутанных подробностях уже освещенной многими зарубежными СМИ истории. Почему? Потому что народ, подсаженный на наркотик лжи, требует все новой и новой дозы.

Культ алогичности

Для того чтобы совершить то, что совершается с нашей страной в последние 16 лет, в сознании людей нужно было провести очень много разных операций. Одна из них — полное устранение какого-либо логического мышления. Примеры, как это делается, как подсаживаются и прививаются стандарты, которые разрушают логическое мышление, можно приводить тысячами.

Вот, например, в январский выходной Дмитрий Киселев примерно сорок минут рассказывал о том, как Голландия собирается проводить референдум против ассоциации Украины с ЕС. Выступали люди из Нидерландов, которые говорили, что «по ассоциации, по этому договору мы должны будем миллиарды направлять в экономику Украины. Зачем нам это?». И Дмитрий Киселев кивал, соглашаясь. После этого выступал фермер, который говорил, что «дешевые продукты из Украины придут на европейский рынок и мы разоримся». И Киселев опять сочувственно кивал голландскому фермеру.

Весь 2014 год, весь 2015 год тот же Киселев говорил, что ассоциация Украины с ЕС бессмысленна и вредна для Украины. Потому что, во-первых, никто Украине денег не даст, во-вторых, ни один украинский товар не пересечет границу ЕС. И вообще для Украины это будет ужасно, потому что жадные хищные европейцы хотят Украину ограбить.

Конечно, у какой-то части российского общества присутствует амнезия и они не помнят сегодня то, что говорилось вчера. Но ведь есть законы логики. И очень важно, чтобы в журналистике, в СМИ эти законы не нарушались.

Медиафрения предусматривает тотальное разрушение логики и, добиваясь этого, постоянно нарушает логические законы сознательно.

Ложь, возведенная в абсолют

Очень часто в России, на Западе говорят, что у нас происходит возврат к 1937 году. Конечно, это глупость. Уровень насилия совершенно разный.

Да, несколько десятков политзаключенных есть, но это не сотни тысяч, не миллионы. Есть точечный террор: убили Немцова, убили Юдину, убили Политковскую. Но сравнивать сталинский период с нынешней ситуацией невозможно.

У нас уже перевернута даже знаменитая солженицинская формула о том, что ложь прикрывает насилие. У нас фундаментом является ложь. И она более разнообразна, она более инструментализирована, институтализирована и более изощрена.

В условиях сталинского и других тоталитарных режимов насилие определяло вектор, а ложь являлась обслуживающим персоналом. Все поменялось местами. Сейчас ложь — базис, а насилие является ее инструментом.

Кто-нибудь может объяснить, зачем России то, что она делает в Сирии? Зачем Россия влезла в полуторамиллиардный исламский мир, в драку между суннитами и шиитами, когда сам Путин сказал, что разницы между ними не видит? Говорить, что таким образом мы предотвращаем терроризм в России, несерьезно: как только мы влезли в эту кашу, тут же терроризм и активизировался, тут же наш самолет над Синаем и взорвали.

Никакого рационального объяснения этому нет, кроме одного — нужна «картинка». Насилие в нашей стране сейчас служит обслугой для того, чтобы показать картинку. Война нужна для того, чтобы показать картинку. Известны факты, когда целые боевые подразделения устраивали флешмобы для того, чтобы показать картинку по телевидению. Это прямо противоположная история в соотношении лжи и насилия.

Простота и безыдейность

Глубочайшая ошибка сравнивать то, что происходит сейчас в России, с какими-то аналогиями из прошлого. Везде и всегда пропаганда являлась средством распространения какой-то идеологии. Везде и всегда.

Ошибочно и сравнение с «холодной войной». Что такое «холодная война»? Это противостояние двух систем — советской и западной. В чем состояло противостояние? Это были две разные идеологии. Сила СССР была в том, что он опирался на идеологию, на марксизм, а марксизм является одной из величайших научных социологических систем, серьезнейшей научной теорией. Неслучайно США для противостояния этой системе потребовалась «охота на ведьм», потребовался маккартизм, потому что с советской идеологией было очень трудно бороться.

Итальянский фашизм, германский нацизм, исламизм, который на самом деле имеет корни в серьезнейшей мировой религии и эксплуатирует ее сегодняшнее состояние… Это фундамент, мощные идеологии, стоявшие за режимами, с которыми нас пытаются сравнивать.

В России нет идеологии. С одной стороны, это слабость, так как непонятно, что мы хотим предъявить миру, с другой — это сила, потому что медиафрения, как пылесос, втягивает в себя все. И она никого не отбрасывает. Главное — верность режиму, восхваление вождя, главное — ругать Запад, а под каким соусом — неважно. И здесь востребованы и либерализм, и евразийство, может быть востребована и сталинская идеология, и любая другая.

Наглость — второе счастье

В чем еще отличие медиафрении от пропаганды, информационной войны и всего, с чем ее сравнивают? В системе распространения информации. Всем с журфака знакома двухступенчатая модель коммуникации: не из единого центра во все головы поступает один сигнал. Все политологи, политтехнологи учат: сначала надо завербовать ЛОМов — лидеров общественного мнения. А потом уже эти ЛОМы объяснят все населению.

Медиафрения не вербует ЛОМов, не убеждает их, она поступает проще. Она ЛОМами назначает. Что делает Соловьев, Толстой и все наши генералы медиафрении? Они назначают ЛОМов. Например, Соловьев говорит: «У нас в студии Карен Шахназаров, он великий русский мыслитель». Да, Шахназаров хороший режиссер, я люблю его фильмы. В области кино и режиссуры он мог бы что-то сказать. Но когда его представляют как великого мыслителя земли русской и этот великий мыслитель начинает нести полную ахинею на многомиллионную аудиторию, называя шиитов «своеобразными протестантами», и так далее…

Так у нас появился великий писатель и мыслитель Проханов, великий социолог Фёдоров, политолог Марков. Политологическое сообщество знает, что такого политолога нет, Марков всегда был политтехнологом, но это неважно — его назначили политологом, он политолог.

Журналист Антон Суряпин — за профессионализм!

Таким образом медиафрения деформирует поле общественных наук. И делается это в России целенаправленно — идет целенаправленная деградация экспертного сообщества.

Это игра на понижение, это разрушение ментальности людей, разрушение нравственности людей, основных связей, которые позволяют обществу функционировать не только как гражданское общество, но и как социум вообще.

Медиафрения и война — сообщающиеся сосуды

Война — это главный групповой интерес руководителей медиафрении, потому что это тот наркотик, на который общество подсаживается. Когда мы задаемся вопросом, что произошло в Украине, то совершенно очевидно, откуда взялись те 50 тысяч российских граждан, которые поехали туда убивать и умирать.

Есть твердое доказательство того, что единственной и главной причиной почему они поехали в Украину, являются передачи российского телевидения. Единственной и главной причиной. Это уже установлено, ибо есть достаточное количество видеосвидетельств. Просто у тех, кто вернулся, спрашивали: «А зачем вы туда поехали?». И они отвечали: «А как же? Я же посмотрел по телевидению, там же фашизм, мальчика распяли, там же детей наших убивают».

Эти люди неделями, месяцами смотрят, как «украинская хунта и фашисты убивают наших детей». И потом они едут убивать и умирать, возвращаются домой без ног, без рук… И таких в России — есть уже достаточно точные данные, создалась ассоциация таких людей — от 40 до 50 тысяч.

Ответственность никто не отменял

Есть мировая практика, как определяются доказательства вины журналиста. Есть пример Руанды. Когда Международный трибунал расследовал произошедшее там преступление — геноцид народа тутси народом хуту, в качестве подсудимых на скамье сидели и представители нашего с вами цеха. Знаменитое «Радио тысячи холмов». Его руководители и сотрудники были осуждены за свою медийную деятельность, поскольку было установлено, что они являются соучастниками геноцида. Было доказано, что в зоне покрытия этого радио совершалось на порядок больше убийств. Когда посмотрели контент радио, установили причинно-следственную связь.

Воспроизводство войны, безусловно, является функцией и условием самовоспроизводства медиафрении. Разжигание ненависти является, безусловно, функцией и средством воспроизводства медиафрении, способом повышения собственной капитализации для людей, которые эту ненависть разжигают. И это очевидно. Когда товарищи Бориса Немцова говорили, что его убило телевидение, — это правда. Немцова убила ненависть. Когда с утра до вечера показываются фильмы, в которых говорится, что «пятая колонна» — это враги, и показывается лицо Немцова, создается обстановка, при которой убить такого человека — правильно. Это связь медиафрении и войны.

Я думаю, что неизбежен трибунал по фактам разжигания ненависти и организации войны. И когда наши товарищи с федеральных телеканалов говорят, что нас блокируют и не пускают в те или иные страны, надо понимать, что есть очень выразительная, принципиальная демаркационная линия между журналистикой, пропагандой и информационной войной. И что на самом деле в моей системе координат появилось и явно обозначилось новое явление — медиафрения.

Мне кажется, Дмитрию Киселеву не стоит обижаться на то, что его не пускают в Европу, где у него собственность, интересы и так далее. Я думаю, что к журналистике люди, которые сейчас господствуют на федеральных телеканалах, не имеют отношения. Это другая специальность. Идет борьба не с производителями информации, а с представителями иной специфической профессии.

Подготовил Сергей ПУЛЬША
Фото: Борис ГОРЕЦКИЙ

Всем украинским коммунальным изданиям придется меняться, а их около 550. Но куда приведут эти изменения, мало кто берется прогнозировать. Минуло два месяца, как в Украине начал действовать Закон «О реформировании государственных и коммунальных средств массовой информации». Начальный результат можно охарактеризовать довольно лаконично: «непонятно и пока не очень важно». Это касается и чиновников, и депутатов локального уровня, и самих редакций. Но разбираться в любом случае придется: реформа — часть обязательств Украины перед Советом Европы, и она уже началась.

Наталья ВЫГОВСКАЯ

На старте перемен: кто умрет последним?

О Законе

Законопроект № 1123 зарегистрировали в Верховной Раде Украины 1 декабря 2014 года. Его авторы — известный депутат со стажем, медиаэксперт Николай Томенко и член Комитета по вопросам свободы слова и информации Александр Абдуллин. После множества бурных дискуссий, анализа местных и зарубежных экспертов, после нескольких попыток проголосовать и вето президента, Закон, наконец, приняли со всеми поправками. Президент Петр Порошенко подписал его 25 декабря 2015 года. Фактически через неделю он вступил в силу. По идее, принятие Закона должно стать серьезным шагом в направлении независимости медиа, в избавлении их от влияния власти и создании равных условий на медиарынке для всех игроков. Однако ситуация усугубляется многими «но».

Юристы украинского Института массовой информации **Максим Ратушный** и **Роман Головенко** так оценивают принятие Закона: «Он направлен на демократизацию и развитие плюрализма системы печатных средств массовой информации и, что самое главное, усиливает редакционную независимость новых печатных медиа. А это позитивно повлияет и на соблюдение прав журналистов. Кроме того, реформа будет сопутствовать развитию свободного рынка в этой сфере».

Однако, несмотря на видимые преимущества закона, вопросы остаются. «Закон о разгосударствлении СМИ опоздал ровно на 24 года. Насколько мне известно, в странах Восточной Европы этот вопрос решили в начале демократических преобразований

Закон усиливает редакционную независимость новых печатных медиа.

и, как говорится, “проехали” и забыли. У нас, украинцев, есть такое выражение: “в свинячий голос” — так говорят, когда кто-то что-то сделал настолько поздно, что это выглядит до непристойности смешно. С разгосударствлением СМИ так и получается, — считает главный редактор Издательского дома «ОГО» (г. Ровно) **Виталий Голубев.** (Его медиа — коммерческие, независимые и успешные на рынке.) — Ясно, что закон необходимо было принимать: равные правила игры — значит равные, честная конкуренция — значит честная. Но тут необходимо учесть важный нюанс: неравная конкуренция коммунальных и частных газет проявляется в двух формах. Первая — дотирование коммунальных СМИ из бюджета их учредителями. Но есть и вторая составляющая неравной конкуренции — это “добровольно-принудительная” подписка на коммунальные СМИ. После того как районка станет частной, сотрудников школ или больниц все равно не перестанут заставлять ее выписывать. Нам известны примеры принудительной подписки на газеты, юридически не являющиеся коммунальными. Тут все зависит от конкретного чиновника, конкретной расстановки политических сил в регионе, а не от того, кто будет значиться в учредителях определенной газеты».

И это далеко не все потенциальные проблемы, с которыми придется столкнуться. «Чтобы коммунальные СМИ стали полноправными игроками на медиарынке, нужен медиарынок. У нас, к сожалению, это квазимедиарынок. Конечно, нужна конкуренция. Пройдет еще как минимум три года, пока мы увидим конкретный результат. Но первые итоги реформы можно будет подвести через год», — считает **Светлана Остапа,** заместитель шеф-редактора всеукраинского интернет-портала «Детектор медиа», член общественного совета при Комитете свободы слова Верховной Рады Украины.

Светлана как медиаэксперт отдала делу разгосударствления немало сил. Она считает, что это революционный закон, который даст возможность вывести значительную часть печатных СМИ из-под прямого влияния органов власти. Хотя, безусловно, в законе есть «дыры», позволяющие его обойти: «Часть печатных СМИ все же увернулась от закона, например парламентская газета “Голос Украины”. И медиаюристы нашли еще несколько лазеек в Законе, которыми могут воспользоваться учредители, органы власти и самоуправления и не дать возможности реформироваться по сути или максимально затянуть процесс. Например, Закон прописывает, что Госкомтелерадио должно определить порядок формирования перечня печатных СМИ, которые будут реформированы на первом этапе. Однако Закон не содержит указаний относительно сроков создания такого перечня и не определяет дату. Поэтому представители общественных медиаорганизаций предложили Госкомтелерадио определить 1 апреля 2016 года как дату для принятия ходатайств от печатных СМИ о включении их в Перечень печатных средств массовой информации и редакций, подлежащих реформированию на первом этапе».

Кстати, по Закону, на реформу отводится три года. Она делится на два этапа: первый, о котором говорит Светлана Остапа, когда реформируются СМИ-добровольцы, и второй этап, в течение которого должны реформироваться остальные. Главная задача Закона — вывести из состава учредителей собственников в виде государственной власти, областных/городских/районных советов и администраций. Превратить редакцию в субъект хозяйствования с сохранением названия, целевого назначения, языка и тематики издания и стать успешным игроком на рынке. По Закону для реформируемых редакций предусмотрены преимущества, например, приоритетное право заключать договоры на освещение деятельности. Если, конечно, получится.

С момента вступления Закона в силу у коллективов коммунальных медиа есть три месяца, чтобы провести собрание и решить, согласны ли они реформироваться и как. Редакции должны ознакомить учредителей с этими решениями до 1 апреля 2016 года.

Денежный вопрос

Газета Запорожского городского совета «Запорозька Січ» в прошлом году отметила 25-летие. Это одно из коммунальных изданий, которое, несмотря на иногда слишком активное участие собственников в редакционной деятельности, стремилось к максимальному соблюдению профессиональных стандартов и работе на аудиторию. Сейчас газета выходит трижды в неделю совокупным недельным тиражом около 20 тысяч экземпляров. По словам ее главного редактора **Александра Веревкина**, коллектив уже определился: «Мы провели собрание и приняли решение: за реформирование на втором этапе. Решение отправили учредителям, теперь ждем ответа».

Кстати, беглый анализ городских бюджетов позволил определить суммы, которые каждый год тратились на поддержку «периодических изданий». Запорожский городской бюджет в 2012 году выделил на них 400 тыс. гривен, 2013-м — 500 тыс., 2014-м — 521 тыс., 2015-м — 606 тыс. гривен. В бюджете развития на 2016 год заложено всего 200 тыс. гривен. По сути, этих средств, по словам редактора,

хватит на несколько месяцев. Для сравнения: на периодические городские издания Днепропетровска в 2012 году выделили чуть больше 1 млн гривен, в 2014-м — 2,364 млн, в 2015-м — 1,978 млн.

Валерий Горобец, главный редактор успешного районного коммунального издания Новотроицкого района Херсонской области «Трудовая слава», вместе с коллегой Александром Бухтатым в октябре 2015 года опубликовали на сайте «Медиасапиенс» большое исследование, насколько коммунальные СМИ готовы к реформам. В частности, из 555 коммунальных газет 127 (22,9 %) функционировали без дотаций из местных бюджетов или получали дотацию не больше 10—15 тыс. гривен в год. Остальные коммунальные издания получили за 2014 год 73,9 млн гривен дотаций (20,7 % от общей суммы доходов этих СМИ).

Причем 407 коммунальных газет (73,3 %) завершили 2014 год с прибылью (возможно, указывают авторы, это было связано с предвыборной кампанией). Авторы пришли к выводу, что «несмотря на финансово-экономический кризис 2014—2015 гг., в Украине сформированы условия для начала процесса реформирования коммунальной прессы. В частности, это касается "бездотационных" коммунальных редакций, которые осознают роль и важность политической и экономической независимости, необходимости противодействия цензуре со стороны органов государственной власти и местного самоуправления».

Что же делать дотационным редакциям? **Николай Михайлов,** первый заместитель главного редактора областной запорожской газеты «Запорожская правда», — один из членов новой команды еженедельника, говорит, что в этом году в областном бюджете на содержание газеты с еженедельным тиражом в 20 тыс. экземпляров заложено 0 гривен. Надеется, что в ближайшее время депутаты найдут решение и деньги.

«Запорожская правда» — классическое издание советского типа. При бывшем руководстве тематика издания колебалась между официальными сообщениями о чудесном руководстве областью главой областной администрации и областного совета и очерками с полей. Главной отличительной чертой еженедельника всегда были поэтические заголовки вроде «Розсада вруниться добірна, їй скоро на поля роздолу» («Рассада взойдет отборная, ей скоро на широкие поля»), «Та ферма, що здалеку видно» («Та ферма, которую видно издалека») и т. д. И это в то время, когда в Украине был Майдан, начиналась аннексия Крыма и почти война.

Сейчас новый менеджмент пытается газету реформировать, а Закон — лишь дополнительный повод не медлить с переменами: «Это один из немногих законов, чаша весов которого на стороне людей, то есть работников государственных СМИ. Это совершенно неопасный закон. Что нужно? Решение трудового коллектива: захотели выйти из-под опеки власти — вперед, не захотели — ищите общий язык с самоуправлением. К тому же по Закону даже после всей процедуры разгосударствления и реформирования самоуправление может "давать адресную помощь" изданию, не говоря уже про договор о сотрудничестве. Ведь все равно им нужно где-то печатать свои постановления. Капитального разрыва, как представляется в радикальных мозгах, не произойдет. Я думаю, Закон — прекрасная возможность для украинских государственных и коммунальных СМИ уйти от "опеки". Это, скорее, фактор психологический. Уйти от цензуры и влияния на редакторскую политику. А поддержка финансовая может остаться. Эти три года, которые даются нашим законом, — время переговоров между редакциями и властью», — резюмирует Николай Михайлов.

По его словам, после переговоров могут быть три результата: 1) издания не станет; 2) издание останется у власти под каблуком; 3) издание и власть будут равными партнерами, то есть газета станет открытой трибуной для всех политических и общественных течений, редакция приобретет право на собственное мнение, не всегда совпадающее с мнением власти. «Мы стремимся к третьему варианту», — говорит Николай.

Сергей Чернявский, председатель наблюдательного совета газеты «Зоря» (г. Днепропетровск), член совета директоров Украинской ассоциации издателей периодической прессы, оптимизм авторов исследования, как и своего коллеги из соседнего региона, не разделяет. Не так давно его издание перешло на четырехдневный режим работы, а количество полос одной из газет сократили с 24 до 16. Совокупный еженедельный тираж двух газет областного подчинения «Зоря. Область» и «Зоря. Город» — 35—36 тыс. экземпляров. Газеты, у которых подписка в 23 тыс. экземпляров, сейчас тоже работают «за свои». В днепропетровском областном бюджете деньги для поддержки медиа пока не предусмотрены.

«Да, Закон вступил в силу, но не разработана процедура, по которой можно выходить в пилот, то есть Закон невозможно выполнить. Процедуру же будут разрабатывать еще несколько месяцев, так что сейчас газеты находятся в полуподвешенном состоянии», — объясняет свою позицию издатель. По словам Чернявского, больше всего удивляет позиция учредителей, которые под предлогом вступившего в силу Закона отказываются финансировать коммунальные СМИ:

Беды нынешней украинской «государственно-коммунальной журналистики» — лень и непрофессионализм.

«Я считаю, что в большинстве случаев местные власти просто не разобрались сами в этом Законе и в том, как поступать в соответствии с ним. То есть о Законе только слышали и на этом — все».

Коммунальные СМИ не готовы к реформированию, уверен издатель. По его прогнозу, после реформы выживут не более 10 % таких газет по Украине. Причем легче всего будет районным изданиям. В первую очередь — из-за отсутствия реальной конкуренции на рынке «районок». А вот интересы областных и городских газет Закон в принципе не учел.

Однако эта реформа, наоборот, может стать гибелью для тех коммунальных СМИ, которые привыкли получать денежный допинг ежегодно, но так и остались в веке «советских газет», информирующих читателя по принципу «информбюро сообщает».

Про лень и непрофессионализм

Юрий Исаев, советник мэра Полтавы по вопросам развития информационной сферы, в прошлом был издателем, медиатренером, поэтому с проблемами медиа знаком очень хорошо. «Увы, обозримая близость вступления Закона в силу ярко оголила две основные беды нынешней украинской "государственно-коммунальной журналистики": лень и непрофессионализм. Именно симбиоз этих двух зол очень ярко представлен и у нас. Традиционно в Полтаве и области наиболее тиражными были именно провластные газеты. Главное областное издание «Заря Полтавщины» ныне переживает некую революционную ситуацию — на фоне дефолта издания (в упадке подписка и реклама, розницы там не было лет двадцать!) коллектив выразил недоверие главному редактору. В коммунальной городской газете «Полтавский вестник» ситуация немного иная, но итог такой же: тираж и рекламные поступления — мизерны. При этом единственным "маркетинговым" ходом тут остается поход к власти и просьба выделить очередной бюджетный транш. Поэтому чем позже эти газеты выйдут на полноценный медиарынок, тем для них лучше. Если, конечно, доживут», — описывает ситуацию Исаев. Он предполагает, что после того как Закон полноценно заработает, медиаполе переформатируется лишь в районах. А «Заря Полтавщины» и «Полтавский вестник», в частности, могут остаться в виде небольших бюллетеней. Так что особых проблем с публикацией официальных сообщений не будет.

В любом случае прямо сейчас депутаты местных советов не спешат ставить выполнение Закона о реформировании в список приоритетов. Есть еще масса времени, хотя вопрос о том, где в случае успешной реформы публиковать официальные сообщения властей, «без которых никуда», остается открытым.

Владимир Москаленко, депутат Запорожского горсовета, член комиссии по вопросам депутатской деятельности, регламенту, законности, правопорядку и предотвращению коррупции, уверен, что эту проблему, конечно, решать нужно. Но пока нет единого механизма или четкого алгоритма действий, как это осуществить на практике. «Есть закон, по которому мы не можем быть учредителями СМИ. Хорошо. Но есть и норма о том, что решения органов власти вступают в действие после их публикации. Есть регуляторные акты, которые должны быть опубликованы для общественного обсуждения. Отсутствие публикации — основание для обжалования, допустим, в судебном порядке. Ведь на законодательном уровне нигде четко не прописано: все, с 1 января ищите регуляторные акты на сайте городского совета или райгосадминистрации. К тому же граждане согласно закону не обязаны иметь интернет. В связи с этим им должен быть гарантирован доступ к текстам решений совета, проектам регулирующих актов или к местному бюджету. Разумеется, с помощью "архаичного" в нашем веке способа — на бумажном носителе. Коим и является газета городского совета…» По словам Владимира Москаленко, путь согласования всех этих процессов пока непонятен. Однозначного решения нет, но и подстегивающих дедлайнов тоже нет, поэтому депутаты сейчас заняты другими проблемами.

Как бы там ни было, но одна из ключевых проблем на сегодняшний момент все же в том, что власть на местах не понимает Закон и дискредитирует его суть, уверен исполняющий обязанности главы Национального союза журналистов Украины **Сергей Томиленко: «**Идея в том, чтобы государство цивилизованно отошло от прямого вмешательства в редакционную политику, в том числе в вопросе назначения редакторов, а ответственность за будущее газет передало трудовым коллективам. Еще один нюанс: по закону государство предоставляет помещения редакциям в аренду на льготных условиях, а не в собственность. Однако на местах чиновники почему-то делают вывод, что по этому Закону у них заберут коммунальную собственность. Результат: попытки быстро изъять недвижимость и лишить редакции помещений еще в первые месяцы реформы. Так уже делают в Житомирской области, на Полтавщине, в Сумской области».

Новый Закон – это прекрасная возможность для украинских государственных и коммунальных СМИ уйти от цензуры и влияния на редакторскую политику.

Однако при всех прочих трудностях, считает Сергей Томиленко, важно помнить о конечной цели: за три года все газеты должны быть на рынке в равных условиях, безо всяких вариантов для власти вмешаться в редакционную политику. Правда, он тоже допускает, что часть газет может прекратить существование, однако верит, что в большей степени речь идет о реальных шансах, которые редакторы и коллективы получают на будущее.

Кто выживет: проблемы и прогнозы

Будут ли эти шансы успешно использованы и изменится ли ситуация, в сущности, зависит от органов власти, которые имплементируют и реализуют предписания нового Закона. Так считают юристы Института массовой информации **Максим Ратушный и Роман Головенко:** «Выведение таких СМИ из-под прямого влияния местных чиновников поможет повысить их независимость и возможность стать объективным и конкурентоспособным изданием. Конечно, останется непрямое влияние на негосударственные печатные СМИ, но такая реформа определенно изменит ситуацию на рынке».

Это точно. Скрытый конфликт между коммунальными и независимыми СМИ из-за неравных условий существует давно. **Юрий Штопко,** региональный издатель Тернопольского филиала Медиа Корпорации «RIA», говоря о потенциальной конкуренции коммунальных изданий с коммерческими, достаточно однозначен: «Даже в сфере медиа действует “закон джунглей”: если ты слаб, то стань сильным, или погибнешь. И это правильно». Он не исключает, что действующий Закон вполне может коснуться и коммерческих изданий: речь идет о дополнительных рекламных бюджетах, а также о росте конкуренции на местном рынке медиа. «И то и другое мотивирует нас быть лучше, успешнее и постоянно двигаться вперед», — уверен Юрий Штопко. Ведь в определенной степени, говорит издатель, государственные СМИ забирали средства, которые могли бы получать коммерческие издания. Ведь все договоры на освещение деятельности органов государственной власти и коммунальных предприятий, все объявления о государственных конкурсах и тендерах попадали исключительно к государственным СМИ. Поэтому коммунальные СМИ можно считать конкурентами.

«От действия этого Закона выиграют все, кто заинтересован играть честно. Выиграют сильные коммерческие СМИ, поскольку получат дополнительные возможности пополнить бюджет; сильные экс-государственные СМИ, потому что получат мотивацию к развитию и определенную свободу действий. А сильные журналисты, которые станут безработными вследствие ликвидации слабых государственных медиа, смогут найти лучшую работу и проявить себя. В проигрыше останутся те, кто злоупотреблял административным ресурсом, бесстыдно себя пиарил, пользуясь служебным положением, а по сути ничего не делал. Но вряд ли это проблема общества. Эти люди или изменятся под новые правила игры, или уйдут из медиа. И то и другое — позитив. В выигрыше в конечном итоге останутся все, так как прекратится отмывание огромных сумм в системе государственных СМИ, прекратится сладкое песнопение для руководства района/города/области», — уверен Юрий Штопко.

В целом же прогнозы результатов реформирования коммунальных медиа отягощаются также общими тенденциями на рынке, о которых говорят издатели и коммунальных, и независимых медиа. «В долгосрочном тренде газеты все равно будут терять аудиторию — и тут коммерческим СМИ вместе с бывшими государственными, как говорится, по дороге... Всех в большей или меньшей мере поглотит интернет, просто у изданий в глубинке есть большая фора по времени», — прогнозирует развитие событий главный редактор издательского дома «ОГО» **Виталий Голубев**.

«В Украине каждый год сокращается количество газет: население взрослеет, нищает, новая аудитория не взращивается. Мы боремся за сужающийся объем рынка и вопрос в том, кто умрет последним», — говорит глава наблюдательного совета газеты «Зоря» Сергей Чернявский, отмечая при этом, что новый Закон только формально снизит желание власти управлять СМИ. «Мое частное мнение, — подтверждает эту мысль депутат Запорожского городского совета Владимир Москаленко, — что сам факт владения медиаресурсом власти нравится. И не важно, рейтинговый это ресурс или нет».

Однако, резюмирует заместитель шеф-редактора всеукраинского интернет-портала «Детектор медиа» Светлана Остапа, Закон точно перекроет возможность нагло использовать СМИ, которые издаются за счет государственного или местного бюджета, для собственного пиара. В любом случае — через три года увидим…

«Лепш не бярыце прыклад з нас. Не так павінны функцыянаваць СМІ!»

Польскія медыі і палітычная тузаніна

Анатоль КАРАМАЗАЎ

Што і чаму адбываецца ў Польшчы і польскіх СМІ, яшчэ не разумеюць і самі палякі, прынамсі тыя, хто хацеў бы асэнсаваць і зразумець, да чаго ўсё ідзе.

«Я разумею, што з Беларусі гэта ўсё можа падавацца ўзорам свабоды слова. Але лепш не бярыце прыклад з нас. Не так павінны функцыянаваць СМІ», — папярэджвае Раман Куркевіч, польскі журналіст і медыйны эксперт.

11 снежня. Па польскім тэлеканале «Republika» — інтэрв'ю з Яраславам Качыньскім, лідарам кансерватыўнай партыі «Закон і справядлівасць» (PIS). Ягоныя дэпутаты ўзялі абсалютную большасць у Сейме, прэзідэнт таксама выводзіцца з PIS. Самога Качыньскага ўжо даўно клічуць проста — prezes — Старшыня. Паплечнікі ды прыязныя ўладам медыі называюць яго вялікім стратэгам, праціўнікі — шэрым кардыналам, а апошнім часам яшчэ і дыктатарам.

Уласна пра гэта з усмешкаю пытаецца журналістка: як сябе пачуваеце з такім тытулам? Качыньскі ўсміхаецца і кажа, што сітуацыю ў краіне сапсавалі папярэднікі — партыя «Грамадзянская платформа». Цяпер жа, калі ў PIS абсалютная большасць у Сейме, у Старшыні новы вораг — Канстытуцыйны трыбунал. «Гэта рэдут абароны ўсяго дрэннага ў Польшчы (…) Тыя сілы, што бароняць Канстытуцыйны трыбунал, — гэта сілы, што любой цаной хочуць утрымаць у Польшчы посткамунізм», — кажа Качыньскі. Журналістка ківае галавой.

Раней, у траўні, у дзень парламенцкіх выбараў, многія польскія калегі пацiскалі плячыма: ну так, вядома, што ані прэзідэнт, ані прэм’ер у гэтай уладзе не будуць мець ніякай рэальнай вагі. Але колькі можна кіраваць Платформе? Колькі можна галасаваць за «меншае зло»? Пад час абвяшчэння канчатковых вынікаў, паводле якіх PIS атрымлівае канстытуцыйную большасць, у курыльні павісае кароткая паўза. «Ну што, шукаем іншае працы?» — няёмка жартуе хтосьці. Усе расслабляюцца, шкадуюць левых, за чые партыі прагаласавала каля 11 % выбаршчыкаў, але з-за асаблівасцяў выбарчай сістэмы яны ў Сейм не трапляюць. Агульная атмасфера — так і трэба Платформе, занадта ўпэўнена сябе паводзілі.

«Галасаваць за меншае зло» — гэта практычна выбарчы лозунг Платформы з 2010 года. Няўдалыя, агрэсіўныя, а часта і ксенафабічныя выказванні шэрагу дзеячоў PIS былая ўлада актыўна выкарыстоўвала, каб напужаць выбаршчыкаў. Тагачасную апазіцыю намагаліся прадставіць рэлігійнымі фанатыкамі і крайнімі нацыяналістамі. Гэта спрацоўвала не раз у папярэдніх кампаніі. Аднак пасля васьмі гадоў кіравання Платформа, падаецца, страціла пільнасць. (Пра абсурдную паразу Браніслава Камароўскага на прэзідэнцкіх выбарах пісаў Дзімітрый Ягораў у трэцім нумары «А» за 2015 год.) А PIS актыўна выкарыстаў мігранцкі крызіс у Еўропе, застрашаючы выбаршчыкаў, што Платформа пусціць у краіну тысячы мігрантаў.

Іншае інтэрв’ю. PIS ужо кіруе краінаю некалькі тыдняў. Мясцовы міністр культуры намагаецца забараніць спектакль ва Уроцлаўскім тэатры, бо… яму сказалі, што там могуць быць сцэны сэксу. Налыса аголеныя маладзёны пікетуюць тэатр поруч з бабулямі з крыжамі ў руках. Спектакль тым не менш праходзіць без праблемаў. І вось міністр Глінскі ў студыі грамадскага тэлебачання. Для беларускага гледача размова ў нейкі момант становіцца больш падобнай на сварку. Вядоўца Караліна Левіцка некалькі разоў намагаецца атрымаць адказ на пытанне: на якой падставе міністр спрабаваў забараніць спектакль? Той няўдала намагаецца адкруціцца, суразмоўцы проста крычаць адзін на аднаго. Журналістка ўрэшце заўважае: раней у нас была неблагая традыцыя, што палітыкі ў публіцыстычных праграмах адказвалі на пытанні. «Тое ў праграмах публіцыстычных, — таксама амаль крычыць міністр, — а гэта прапагандысцкая праграма, як і ўсё вашае тэлебачанне займаецца прапагандай каторы год! І гэта скончыцца!»

Левіцку адхіляюць ад вядзення праграмы ў той жа вечар, калі міністр Глінскі хлопае дзвярыма ў студыі.

Крыкі ў жывым эфіры сталіся ўжо нормай для польскіх публіцыстычных праграмаў. Самая папулярная фраза, якую госці кажуць адзін аднаму: «Я спадара не перарываў», — што амаль заўсёды далёка ад праўды. Аднак каб міністр упрост пагражаў журналістам — такога не было.

Большасць калегаў упэўненыя: Караліна правяла праграму нармальна. «Я б не ўстрымалася, каб па галаве не даць», — дадае жаночая частка польскай рэдакцыі. У выніку праз два дні Камісія этыкі тэлебачання прыходзіць да высновы, што журналістка нічога не парушыла, хаця ў нейкі момант праграмы варта было б даць міністру скончыць сказ. Вось і ўсё: два дні — і спрэчка паміж міністрам і журналістам вырашаная. Праўда, мой суразмоўца Раман Куркевіч, вядомы журналіст, літаратурны і медыйны эксперт, бачыць тут зусім іншую праблему.

«У нашых публіцыстычных праграмах з’явілася традыцыя, мала вядомая ў цывілізаваным свеце, — істотныя праблемы (грамадскія, канстытуцыі, правa) каментуюць палітыкі. Мала таго — палітыкі, якія часцяком удзельнічаюць у гэтых канфліктах. Гэта штосьці хворае, як бы мы ў судзе пракурора і адваката замянілі на двух злодзеяў, што будуць судзіць злодзея», — разважае ён.

«Адкуль гэтая хвароба ўзялася? Ды проста таму, што гэтак танней. Палітыкі ў кожную праграму прыходзяць на першую просьбу, а самае галоўнае — бясплатна, ды яшчэ прыязджаюць за ўласны кошт. Ну як «за ўласны» — на службовых машынах, то бок, у прынцыпе, за мой кошт. А эксперту трэба заплаціць за даезд, заплаціць ганарар. Ды яшчэ знайсці такога, што вольны, бо людзі, якія абазнаныя ў пэўных рэчах, звычайна занятыя. А палітыкі маюць час з раніцы да начы!» — абураецца Куркевіч. І дадае, што праз гэта ніхто ўжо не разумее, што адбываецца вакол таго ж Канстытуцыйнага суда.

А пачалося ўсё ў чэрвені. Грамадзянская платформа, нібыта прадчуваючы паразу і на прэзідэнцкіх, і на парламенцкіх выбарах, уводзіць папраўкі ў закон пра Канстытуцыйны трыбунал. У гэтым годзе заканчваецца кадэнцыя пяці з пятнаццаці суддзяў, і Платформа хацела ўжо летам пасадзіць на іхнае месца калі не прыхільных сабе, то прынамсі без кансерватыўных поглядаў, якіх трымаецца PIS. Тагачасная апазіцыя пратэставала. А новы прэзідэнт дэманстратыўна не прымаў прысягу абраных высокіх юрыстаў

На меркаванне аднаго эксперта ў Канстытуцыі заўсёды знойдзецца супрацьлеглы адказ іншага.

(кадэнцыя двух з пяці суддзяў заканчваецца толькі ўзімку – калі, як мы цяпер ведаем, Платформа будзе ў меншасці). Трыбунал прыняў скаргу PIS, але тыя ўжо выйгралі выбары і абвясцілі, што самі абяруць новых суддзяў. Увесь квінтэт.

Маючы большасць, гэта яны і робяць, пакуль апазіцыя дэманстратыўна выходзіць з залі. А прэзідэнт той жа ноччу прымае прысягу аператыўна абраных суддзяў. Усе абраныя ў той ці іншай ступені звязаныя з кіруючай партыяй. Тым часам на надзвычайным паседжанні Трыбунал вырашае пакінуць у моцы выбар першых трох суддзяў, двух жа, чыя кадэнцыя яшчэ не паспела скончыцца, Сейм мае пераабраць. Упершыню гучыць слова «неканстытуцыйна» — адносна дзеянняў Платформы, і не менш неканстытуцыйнымі Трыбунал лічыць начное галасаванне і прысягу новых суддзяў.

Справа павісла ў паветры. Улады ізноў дэ-факта парушаюць Канстытуцыю і адмаўляюцца публікаваць рашэнне Трыбунала. Прыхільныя апазіцыі медыі робяць гэта за іх. Калегі, што выразна падтрымліваюць дзеянні Старшыні, які нібыта кіруе ўсім працэсам з ценю — у ягоную рэзідэнцыю рэгулярна прыязджаюць на нараду вышэйшыя асобы ў дзяржаве, — нагадваюць пра шэраг карупцыйных скандалаў з папярэдняй уладай.

Лукаш Важэха — вядомы польскі публіцыст моцна правых поглядаў – піша ў фельетоне: «Так, насамрэч мы тут маем справу з выключна палітычнай барацьбой, у якой кожны з пратаганістаў мае ўласных вытворцаў законнай амуніцыі. На меркаванне аднаго эксперта ў Канстытуцыі заўсёды знойдзецца супрацьлеглы адказ іншага». Агулам прыхільныя ўладам медыі раяць «спыніць гістэрыку» ды «дазволіць уладам направіць краіну».

Нейтральнасцю СМІ тут нават і не пахне. На гэты момант спрэчкі перайшлі на ўзровень фэйкаў і адкрытае абразы. Часам медыі слова ў слова паўтараюць выказванні спікераў партыяў. Правыя называюць апанентаў камуністамі, вінавацяць у тым, што яны прадаліся Нямеччыне, Расіі, ЗША — спіс доўгі. Тыя ж у адказ кажуць пра рэлігійных фанатыкаў і надыход дыктатуры.

Эксперт Раман Куркевіч махае рукою — абое рабое — і просіць ні ў якім выпадку не лічыць польскія медыі ўзорам вольных СМІ.

«У Польшчы няма такіх незаангажаваных медыяў і няма ўжо даўно. Ёсць СМІ больш ці менш годныя даверу. І, па маім меркаванні, яны знаходзяцца на тым, так званым ліберальным… не левым, а такім ліберальна-дэмакратычным баку. Але гэта не змяняе факта, што яны пад моцным палітычным уплывам. У свеце існуюць прыклады сапраўды незалежных медыяў — гэта грамадскія СМІ ў вялікіх старых дэмакратыях. Гэта ўласна грамадскія, а не дзяржаўныя СМІ. Бо ў Польшчы за гэтыя 26 год ні адна ўлада не асмелілася на стварэнне чагосьці падобнага. Што ж тычыцца медыяў прыватных, то яны заўсёды на баку тых, хто дазваляе ім болей зарабляць», — кажа Куркевіч ды нагадвае, што гэтыя прыватныя СМІ могуць апынуцца адзінымі адносна незалежнымі ў хуткім часе.

PIS мае крыўду на большую частку СМІ. Фактычна на ўсіх, хто наўпрост не падтрымліваў партыю ў выбарчую кампанію. У партыі мяркуюць, што найбольш уплывовыя газеты і тэлеканалы, наадварот, працавалі на мінулую ўладу. Цяжка сказаць, колькі тут праўды — эфірны час, прысвечаны асноўным партыям, амаль роўны. Калі хто і мае абурацца, дык гэта новая левая партыя «Разам», для якой у публіцыстычных праграмах да самых парламенцкіх дэбатаў у грамадскім тэлебачанні выдзялілі… 8 секунд.

Паводле крыніцаў мясцовых медыяў, PIS ўжо мае гатовы новы медыяльны закон. З'яўляецца фармулёўка «нацыянальныя СМІ». Маўляў, шмат нямецкага і амерыканскага капіталу ва ўплывовых медыях — сярод іншага гаворка вядзецца пра 90 % нямецкага капіталу ў рэгіянальных СМІ. Праўда, незразумела, якім чынам гэта тычыцца грамадскага тэлебачання, якое з'яўляецца ўласнасцю дзяржавы. Паводле Рамана Куркевіча, новыя ўлады вырашыліся на небяспечны як для іх, гэтак і для Польшчы крок.

«Гэта азначае, што PIS зараз возьме ўсе грамадскія медыі, змяняючы фармальны спосаб функцыянавання гэтых СМІ з камерцыйных арганізацыяў, на культурніцкія інстытуты. Гэта дазволіць лёгка захапіць фактычна ўсе грамадскія медыі — ад радыё і тэлебачання да Польскага прэсавага агенцтва. У выніку яны пазмяняюць усіх начальнікаў і не забудуцца на некаторых шэраговых журналістаў. Тут будзе моцны персанальны ўдар. Нельга гэта ігнараваць, бо для большасці палякаў, асабліва тых, што жывуць па-за межамі вялікіх гарадоў, — гэта ўсцяж крыніца падставовай інфармацыі», — на пальцах тлумачыць Куркевіч. Праўда, журналіст не мяркуе, што ўзровень свабоды медыяў у Польшчы дасягне беларускага ці нават вугорскага. Маўляў, не хопіць ані смеласці, ані сілаў. Да таго ж «гэтыя медыі ўжо прыстасоўваюцца да існай сітуацыі. Яны навучыліся ў кожны крызіс прыстасоўвацца да сітуацыі і змяняць наратыў. Запрашаюць іншых гасцей, змяняюць тэмы — мы ўжо гэта бачым, але цяпер гэтага недастаткова».

Тым не менш, падаецца, што дэмакратыя калі не зрынутая, то, прынамсі, пад пагрозаю. Бо гэта кажуць абодва бакі барыкадаў. Для адных аўтарытарны PIS хоча падмяць пад сябе яшчэ і Канстытуцыйны трыбунал, для іншых — посткамуністы перашкаджаюць законна абранай уладзе.

У суботу, 13 снежня, спантанна арганізаваны Камітэт абароны дэмакратыі сабраў сваіх прыхільнікаў пад сядзібаю Канстытуцыйнага трыбунала. А ўжо на наступны дзень PIS заклікаў сваіх прыхільнікаў выйсці на вуліцы і «падтрымаць урад і прэзідэнта».

Алею ў агонь падлівае сам Качыньскі. У тым жа інтэрв'ю тэлебачанню «Republika» палітык узрывае люд неразважнымі словамі: «У Польшчы ёсць дрэнная традыцыя нацыянальнае здрады, гэта ў генах некаторых людзей — тых, найгоршага сорту, яны цяпер вельмі актыўныя». Праз паўгадзіны ў твітэры гэштэг #NajgorszySortPolaków б'е рэкорды папулярнасці.

У суботу 13-га людзей шмат — не менш як тысяч дваццаць, наколькі магу ацаніць, але дакладна не пяцьдзесят, як нечакана заяўляе паліцыя. Тыя, хто прыйшоў, самі здзіўленыя сваёй колькасцю. Пратэст арганізаваны трохі лепш, чым ніяк. Спачатку дэманстранты каля гадзіны намагаюцца пачуць, што ж там кажуць апазіцыйныя палітыкі, якія нібыта ўзялі прыклад з беларускіх калегаў і запасліся адным гукачом на ўсіх. Пасля ўсе ідуць у бок будынку Сейму, спыняючыся што тры хвіліны, каб калона не расцягнулася. Ад Сейма вузкімі вулачкамі цэнтру Варшавы да Канцылярыі Прэзідэнта, пасля — да ягонага палаца. Лозунгі і крычалкі раптам змяняюцца ад «абараніць Канстытуцыю» да «Прэзідэнта пад суд». З-пад палаца дзясяткі тысяч чалавек проста разыходзяцца. Але прысутныя відавочна задаволеныя.

— Гэта проста трэш — кучка клерыкалаў хоча ператварыць краіну ў другую Расію, — кажа майго ўзросту дзяўчына. Пра што вядзецца гаворка вакол усяго гэтага трыбунала — ня ведае. «Чорт яго разбярэш у медыях», – паціскае плячыма, — відавочна, што PIS трэба спыніць і ўсё».

— Давайце кучней, кучней! — побач са мной група людзей гадоў пад сорак робіць хіба ўжо дзясятае сэлфі.

— Я не пратэставаў з васьмідзесятых гадоў, і як жа здорава, што столькі маладых твараў навокал! — кажа сталы чалавек.

Маладых — вельмі адносна. Нікога маладзейшага за гадоў 25, прынамсі на маё вока. Нават паводле вынікаў парламенцкіх выбараў моладзь захапляецца радыкальна правымі ідэямі. Больш за траціну тых, хто галасаваў упершыню, аддалі свой голас Янушу Корвіну Міккэ. Адыёзная постаць, што хоча пазбавіць жанчынаў выбарчых правоў, а Уладзіміра Пуціна называе не інакш, як «яго светласць». Партыя Корвіна не набрала неабходныя 5 % выбарчага даверу, каб увайсці ў Сейм. Больш за тое, пасля 26 гадоў дэмакратычнае ўлады польскі Цэнтр даследавання грамадскай думкі апублікаваў шакуючыя вынікі апошняга апытання: 40 % палякаў дапускаюць магчымасць таго, што краінай будуць кіраваць недэмакратычныя ўлады. Яшчэ столькі ж мяркуюць, што гэтак можа апынуцца нават і лепей для Польшчы.

Наступны дзень — новы марш. Людзей, падаецца, столькі ж, як і ўчора. Праўда арганізатары раптам заяўляюць пра 70 тысяч, а сталічныя ўлады кажуць штосьці пра 15. (Увогуле цягам цэлага тыдня ў медыях будзе весціся пустая спрэчка пра тое, дзе людзей было болей. Абодва бакі публікуюць здымкі акцыяў не з самага выгаднага ракурсу і вінавацяць адзін аднаго ў хлусні.) Дэманстрацыя падтрымкі ўладаў арганізаваная куды лепш. Старшыню чуе кожны, месца збору — на плошчы Трох Крыжоў, а не ў завулках каля Канстытуцыйнага трыбунала. Вельмі шмат моладзі і сталых людзей. Аднак атмасферы свята, якая адчувалася ў папярэдні дзень, няма. Ёсць мабілізацыя — абараніць абраную ўладу. Словы старшыні разлятаюцца над плошчай і падтрымліваюць адпаведны настрой. «Мы мусім адкінуць тых, хто супраць нас і спрабуе нас заблакаваць, кажучы, што дэмакратыя ў нашай краіне пад пагрозай. Не вядзецца гаворка пра дэмакратыю! Вядзецца пра тое, каб дэмакратыя магла вырашаць, а не жменя людзей, што прадаліся іншым», — Качыньскага слухаюць ціха, нібыта баючыся перарваць. Толькі пасля відавочнай паўзы гучыць гром апладысментаў.

Супраць чаго канкрэтна пратэстуюць гэтыя людзі? Адныя кажуць пра пакаранне «габрэяў з Платформы», іншыя хочуць звальнення журналістаў, што найбольш адкрыта выказваюцца супраць PIS. Аднак асноўны пасыл — нас большасць, бо нашыя прадстаўнікі выйгралі выбары і яны будуць рабіць тое, што трэба.

Тым не менш 15 снежня — у апошні паводле закону дзень – PIS пагаджаецца апублікаваць рашэнне Канстытуцыйнага трыбунала. Прэм'ер Шыдло, сціснуўшы зубы ў дзясяты раз паўтарае, што яе партыя не збіраецца ўводзіць ніякай дыктатуры. Гэта ні на йоту не супакойвае дыскусію ў медыях. Хіба што набліжаюцца святы і напружанне на нейкі час сыйдзе само сабой.

Аднак пасля новага года барацьба ў Сейме, у студыях тэлебачанняў ды на старонках газет узмацніцца са старой сілай.

У студзені пратэсты пракаціліся па ўсёй краіне. Некалькі разоў Камітэт абароны дэмакратыі збіраў сваіх прыхільнікаў у найбуйнейшых гарадах Польшчы, аднак акрамя лозунгаў пра абарону дэмакратыі і патрабаванняў у стылі «каб усё стала лепш», няма нічога новага.

Караліна Левіцка — тая, што спрачалася з міністрам, — ужо страціла працу. Гэтак жа, як і цэлы шэраг іншых журналістаў, напрыклад, фактычна амаль увесь асноўны склад галоўнага выдання «Wiadomości».

У грамадскім радыё і тэлебачанні ўсё збольшага адбылося так, як і казаў спадар Куркевіч. Цяпер яны фактычна падпарадкоўваюцца Міністэрству дзяржаўнага скарбу, а міністр можа сам прызначаць кіраўнікоў каналаў — раней іх абірала адмысловая рада радыёфаніі і тэлебачання.

У дзень прыняцця закона пра «нацыянальныя медыі» ўсе кіраўнікі грамадскага тэлебачання падалі ў адстаўку.

У прыхільнікаў новых уладаў новы аргумент — калі была Платформа, усё выглядала тым жа чынам. Сапраўды, грамадскае тэлебачанне заўсёды залежала ад курсу кіруючай партыі. Аднак змены ніколі не адбываліся гэтак хутка ды дэманстратыўна. Ніколі журналістам не давалі «10 хвілінаў на зборы», дый не ўзгадаю, каб кагосьці выганялі пасля планёркі. Менавіта гэтак страціў працу рэпарцёр Яцэк Тацік, калі асмеліўся прапанаваць тэму пра нявыкананыя абяцанні новага прэзідэнта. У знак пратэста супрацу з ужо дэ-факта дзяржаўным тэлебачаннем сарвалі французскія калегі з тэлеканалу Arte. З фармулёўкай «пакуль не будзе гарантаваная свабода і незалежнасць перакананняў».

Цяпер TVP пужае ўцекачамі, якіх Еўразвяз хоча выслаць у Польшчу, ды вінаваціць ва ўсіх грахах Нямеччыну. Гэта заўважыў таксама і віцэ-старшыня праграмнай Рады тэлеканала Анджэй Краеўскі. У сваёй студзеньскай справаздачы пра выданне навінаў ён у кожны дзень знайшоў «прынамсі адну маніпуляцыю, перабольшванне маргінальных з’яваў або замоўчванне падзеяў». Так, 19 студзеня ў шасці з сямі матэрыялаў Краеўскі заўважыў негатыўнае сцверджанне ў бок Нямеччыны. Старшыня Яраслаў Качыньскі фактычна перавёў Сейм на начную працу — важныя рашэнні часцяком прымаюцца пасля апоўначы, і Краеўскі знаходзіць у навінах «інфармацыю» пра тое, што і Еўракамісія нібыта таксама праводзіць начныя пасяджэнні.

20 студзеня, калі прэм’ер Шыдло адказвала ў Еўрапарламенце на закіды еўрапейскіх палітыкаў, TVP, падаючы выказванні ў яе падтрымку, не паінфармавала, што салідарныя з прем’ерам асобы — з маргінальных і адкрыта антыеўрапейскіх партыяў.

21 студзеня не ўзгадалі і словам афіцыйны пратэст амбасадара Украіны пасля заявы прэм’ера Шыдло пра «мільён украінскіх уцекачоў летась». На самой справе за 2015 год уласна ўцекачоў з Украіны Польшча прыняла толькі… дваіх, мігрантаў было болей, але ж не да мільёна!

А журналісты? Тыя, што пасыходзілі, — з большага даволі вядомыя асобы і ў сваім коле яны страцілі б болей, калі б не сышлі. Рэшта? Або падтрымлівае змены, сапраўды заўзеючы PIS, або актыўна шукае іншае працы. Пераважная ж большасць проста паціскае плячыма.

Журналист и политика. Шведский опыт

Наталья БАШНЕВА,
специально для «А»

**Алекс Воронов — политический журналист. Его статус можно обозначить и привычным нам словосочетанием «политический обозреватель». Но особенность ситуации в том, что Алекс Воронов — беспристрастный политический обозреватель в газете с заданной политической позицией.
А заданность и беспристрастность для нас — очень непривычно.**

У Алекса Воронова четкий контракт с правлением фонда шведской газеты «Eskilstuna kuriren», где написано, что он, Воронов, должен придерживаться либеральной позиции. Как именно он трактует эту либеральную позицию, остается на его усмотрение. Есть некоторые рамки, за которые Воронов не выходит: например, не может рекламировать другую политическую идеологию. В остальном политический редактор свободен. Вплоть до поддержки социал-демократических партий.

«Например, в одном из городов на местных выборах мы поддержали политику социал-демократов. На наш взгляд, именно в этом городе их политика была наиболее подходящей. Мы выступили против либеральной партии именно там, и это была вполне нормальная позиция. Если все хорошо обосновано,

Алекс Воронов:

«Главный редактор не имеет права давать мне указания по поводу того, что писать, а что не писать. Я прошу у него разрешения уйти в отпуск, но не спрашиваю, что и как мне комментировать».

то не возникает никаких проблем», — рассказал Алекс Воронов в Минске на семинаре, организованном Белорусской ассоциацией журналистов.

В редакции «Eskilstuna kuriren», конечно, обсуждают темы для публикаций и делятся информацией о том, что планируется осветить. Однако сотрудники стараются не высказываться относительно написанного и не указывать друг другу, что и как писать.

Алекс Воронов: «Я не люблю понятие "объективность" в журналистике. Можно говорить о многосторонности. Основной материал идет непредвзятый, многосторонний, в комментарии же отражается четкая политическая позиция».

Основной политический комментарий в газете идет без подписи. Таким образом демонстрируется, что обнародованное мнение — позиция газеты, редакции, а не отдельного автора. Многие связывают все комментарии непосредственно с Алексом, но Воронов утверждает, что это не так. Часто комментарии пишет сотрудник отдела или внештатный работник. Такой политический комментарий рождается в коллективном процессе, его обсуждают. Это совместная работа двух, а то и трех человек, поэтому политический редактор считает несправедливым подписывать эти комментарии каким-то одним именем.

Издание не всегда поддерживает на местных выборах конкретные кандидатуры, зачастую просто говоря, за какую политику следовало бы проголосовать. На национальных выборах в риксдаг газета всегда поддерживает одну из сторон и призывает читателей проголосовать.

Но если бы газета поддержала какую-то политическую силу и вдруг обнаружились факты, влияющие на избирательную кампанию и противоречащие опубликованной позиции «Eskilstuna kuriren», то, придерживаясь принципа о чистоте власти, газета готова была бы изменить свое мнение.

На конкретных примерах шведский журналист рассказал о работе политических редакторов и об их влиянии на политическую обстановку в муниципалитете.

Обнаружилось, например, однажды, что супруг мэра города причастен к подтасовке результатов решения о высвобождении муниципальных помещений и предоставлении их Европейской школе, в которой мужчина являлся членом правления. Расследуя обстоятельства, газета выступила с требованием обнародовать электронную переписку супругов. И хотя мэр утверждала, что переписка носит частный характер, следователи нашли в ней прямые доказательства причастности к подтасовке. Дело было доведено до суда. А политический журналист Алекс Воронов и его коллектив получили признание читателей в борьбе за чистоту действий власти и способствовали справедливому распределению пустующих помещений в муниципалитете.

Следует заметить, что в Швеции, если переписка связана со служебными обязанностями, она не относится к частной жизни. А журналистская этика руководствуется понятием общественного интереса.

Белорусским журналистам было интересно узнать, есть ли в Швеции правила и ограничения, касающиеся получения информации. Алекс Воронов рассказал, что по шведским законам журналисты не имеют права раскрывать свои источники информации кому бы то ни было. Раскрытие источника информации уголовно наказуемо — до года тюрьмы. И начальство разных рангов не имеет права предпринимать шаги для того, чтобы узнать, кто является источником информации. Если, конечно, полученная информация не касается государственной тайны.

А в зале шведского суда журналист должен подчиниться решению судьи. Это касается и возможности вести в помещении, где идет заседание, фотосъемку, на которую разрешения судья может и не дать.

Кто платит за вольную музыку

По словам Алекса Воронова, 70—80 % дохода газета получает от рекламы.

Если «Eskilstuna kuriren» выходит в субботу после зарплаты, то рекламная страница принесет огромное количество покупателей, утверждает шведский журналист. В электронной версии пока подобного нет.

Белорусских коллег интересовало, бесплатен ли в Швеции контент, который распространяется через интернет. По словам Алекса Воронова, бывает по-разному. Рекламщики еще не нашли формат, который поможет им работать с этим контентом. На данный момент значительная часть интернет-контента бесплатна, небольшая часть платна. Можно стать подписчиком на один день или на неделю.

Буквально год назад в «Eskilstuna kuriren» 80 % информации предоставлялось только для подписчиков, сейчас закрытый контент составляет лишь процентов десять. В будущем планируется привлечь рекламу, а не зарабатывать на подписчиках. Издание ищет такой формат. Но рынок рекламы в изданиях серьезно упал, замечает Воронов. Доходы у шведского населения растут, но рекламодатели находят другие пути доведения рекламы до своих потребителей.

На веб-ресурс уходит много усилий, признал Алекс Воронов. Формат работы издания слишком привязан к печатной версии. Например, новостной цикл полностью построен под печатные издания. Но в интернете комментарии к тому, что произошло днем, читатели ожидают уже в тот же день. Поэтому часто редакция выставляет материал на веб-сайт до того, как он выйдет в печатном издании, а значит, подписчики получают уже старый материал. С этим сложно что-то сделать, говорит Алекс, но члены правления надеются в будущем найти какой-то компромисс между этими двумя форматами.

«Мы подсчитали, что если бы все наши читатели платили (а они платят 2,5 тыс. в год за подписку) 99 крон в месяц, читая материалы в электронной версии, то нам не нужна была бы реклама. Мы закрыли бы типографию и отдел рекламы. Читатели не готовы к такому изменению, но мы надеемся, что в будущем это изменится», — рассказал шведский журналист.

Говоря о рекламе branded contect — рекламе под видом статей — Алекс Воронов заявил, что «Eskilstuna kuriren» старается избегать подобного. В Швеции чаще всего отрицательно относятся к рекламе, замаскированной под новостные материалы, но в последнее время такие вещи появляются.

«Eskilstuna kuriren» — издание для прогрессивных

Газета «Eskilstuna kuriren» основана в 1890 году. В тот момент в городе проживало 11 тыс. человек и существовало два периодических издания. Одно из них представляло консервативное направление, второе отражало позиции экономического либерализма. В те времена газеты создавались с политической миссией — продвигать определенные идеи в общество. Тысяча человек пожертвовали примерно по пять крон,

Алекс Воронов:

«Следить за процессами — это не значит читать пресс-релизы и разговаривать по телефону. Это значит посещать, бывать в кулуарах, присутствовать на заседаниях парламента, знать людей лично и т. д., а значит, корреспонденту нужно было бы постоянно находиться в разъездах».

Приехав в Швецию еще ребенком, сын эмигрантов Алекс окончил экономический институт и решил попробовать себя в одной из региональных газет в качестве политического комментатора. Спустя две недели Алекс понял, что не хочет заниматься экономикой, потому что хочет быть журналистом. Через год он перешел в шведскую газету «Eskilstuna kuriren», где работает и сейчас. Сегодня он — популярный шведский журналист, политический обозреватель Алекс Воронов.

что составляло половину зарплаты рабочего, на уставной фонд газеты «Eskilstuna kuriren». Можно представить, насколько продвижение идей было важно для людей, если почти десятая часть населения вложила деньги в газету, не имея финансовой заинтересованности.

Издание продвигало следующие идеи:

— всеобщее право голоса (в то время его не было);

— социальные реформы (рабочие жили в очень тяжелых условиях);

— трезвый образ жизни (в Швеции тогда были большие проблемы с алкоголем, сейчас они тоже есть, но не так сильно выражены).

В 1940 году главный редактор газеты выкупил большую часть акций и передал их в созданный некоммерческий фонд, который и по сей день владеет газетой. У издания нет акционеров, но есть фонд, а значит, весь доход возвращается обратно в газету.

«Eskilstuna kuriren» выходит шесть раз в неделю, и ее печатный тираж составляет 28 тыс. экземпляров в день. Это подписная газета, и 98 % тиража составляет подписка, 2 % — розничная торговля, но она не приносит прибыли, а используется скорей в качестве рекламы.

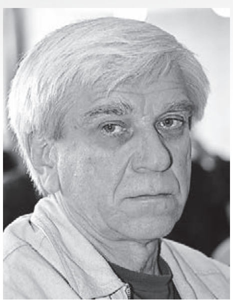
Основная часть материалов газеты отражает события в стране, но треть отдается региональным новостям.

Фото: Борис Горецкий

Толькі канстатацыя

Аглядаючыся на шлях Беларусі, пройдзены пасля атрымання незалежнасці, я адчуваю, як маю душу апаноўваюць розныя пачуцці: ад ціхай радасці да шчымлівай самоты, трывогі і гневу.

Сяргей ЗАКОННІКАЎ

Радасць адчуваю з прычыны таго, што мы нарэшце маем сваю суверэнную краіну, чыя існасць не падабаецца толькі зацятым суседзям-шавіністам, але не выклікае сумненняў у астатняга свету. Беларусь не з'яўляецца часткай складанай арганізацыйнай канструкцыі, што назіралася ў Вялікім княстве Літоўскім, або незавершаным аб'ектам, як здарылася ў трагічным выпадку Беларускай Народнай Рэспублікі. Яна самастойная! Для нас быць суб'ектам жыцця чалавецтва — найвялікшая заваёва. А трывожуся я таму, што па віне аўтарытарызму кароткі час, адведзены гісторыяй для будаўніцтва дэмакратычнай, прававой, нацыянальна моцнай Айчыны, бяздарна марнуецца.

Апошнім часам, наступаючы на пяты, мяне пераследуе метафара, народжаная рэчаіснасцю: Беларусь уяўляецца архітэктурна вычварным, недабудаваным гатэлем, які няўклюдна тырчыць з гушчару атрутнага баршчэўніку.

Баршчэўнік Сасноўскага (лац. *heracleum sosnowskyi*), які запаланіў краіну, быў завезены ў СССР у 1947 годзе па

распараджэнні Сталіна. За кошт сіласу, атрыманага з яго, думалі вырашыць кармавую праблему ў жывёлагадоўлі. Але пасля паядання баршчэўніку малако ў кароў станавілася горкім, непрыдатным для кармлення дзяцей, увогуле для спажывання чалавекам. Сеяць расліну перасталі, але яна хутка дзічэла і пранікла ў натуральныя экасістэмы. Баршчэўнік прынёс і эканамічную пагрозу, бо заняў лугі, хутка ўкараніўся ў лясах і замарудзіў іх рост.

Магчыма, здалёку — з наварочанага прэзідэнцкага «мерсэдэса», з вокнаў камфартабельных аўтобусаў, якія штогод возяць расійскіх і ўкраінскіх рэгіянальных журналістаў па добрых дарогах да прылізаных аграгарадкоў, да апрацаваных і дагледжаных палеткаў, — зялёныя «джунглі» баршчэўніку здаюцца хараством прыроды. Не ведаю…

Я ж, стоячы ў роднай глыбінцы, дзе знікаюць не толькі бальніцы, школы, клубы, але і жывёлагадоўчыя фермы, цэлыя калгасы, дзе нават абеліскі, узведзеныя ў памяць пра змагароў з фашысцкімі захопнікамі, паглынае паскудная расліна, выразна бачу яе маштабны наступ. Ад калісьці прыгожых і людных вёсак, якія згубіліся ў зялёным моры, сыходзіць дух закінутасці, асуджанасці. Думаецца, што нездарма сярод вяскоўцаў фенаменальна жывучы баршчэўнік атрымаў дакладную, выразную мянушку — «помста Сталіна». Для мяне гэтая расліна — сімвал аўтарытарызму або дыктатуры.

Сістэма жорсткага аўтарытарнага праўлення, за выключэннем нядоўгіх перыядаў «адлігі», не сыходзіць з роднай зямлі на працягу ўсяго майго жыцця, якое пачалося ў 1946 годзе. Ад Сталіна ды цэлага тузіну генсекаў... да першага і бясзменнага беларускага прэзідэнта Лукашэнкі. Шлях, безумоўна, некароткі, на ім былі і пэўныя дасягненні, але ганарыцца не выпадае. Пакаленне маці-партызанкі і бацькі-франтавіка, я і мае равеснікі, нашы дзеці так і не змаглі здабыць сапраўдную свабоду, каб забяспечыць разумнае і заможнае жыццё.

Эйфарыя пачатку 90-х гадоў мінулага стагоддзя пасля развалу СССР, калі радасна думалася і верылася ў светлую будучыню незалежнай Айчыны, калі распрацоўваліся перспектыўныя праекты ў знешняй палітыцы, эканоміцы, нацыянальным адраджэнні, калі многае было зроблена, як успыхнула феерверкам, так хутка і згасла ў аўтарытарным балоце. Затое цяпер на святы і без святаў грымяць салюты, раскашуюць карупцыянеры, радуюцца свайму дабрабыту чыноўнікі і сілавікі, гуляюць карпаратывы, квітнеюць гламур і папса. А нехта ўжо не можа існаваць на выдзеленую дзяржаўную падачку.

Увогуле грамадства бяздумна жыве адным днём, праядаючы расійскую нафта-газавую халяву і замежныя пазыкі, не ўзводзячы трывалы падмурак для лепшай будучыні. Беларусы выявілі сябе няздольнымі да стварэння прававой дзяржавы, да разумнага выбару і сумленнага галасавання, да самарэалізацыі без падпорак і апякунства.

Працэс станаўлення самастойнага, дэмакратычнага, палітычна спелага грамадства няпросты, ён залежыць ад многіх складнікаў. Але, на мой погляд, галоўнай перашкодай на гэтым шляху стаў беларускі менталітэт, які ўвабраў шмат негатыўных чалавечых якасцяў. Магчыма, некаму не спадабаецца, ды скажу, што наша нацыя па-ранейшаму карэніцца і грузне ў сялянстве. А яно — не толькі захавальнік мудрых народных традыцый, звычаяў, але і абачлівы тугадум, страшэнны рэтраград. Партугальскі гісторык, доктар сацыялогіі Марыя Філумена Моніка піша: «Сяляне — гэта легіён сквапных і хітрых крывадушнікаў, недаверлівых і няздольных рызыкаваць». Калі ўлічыць, што ў беларускіх гарадах жыве да 80 % выхадцаў з вёскі, іх дзяцей і ўнукаў, то стане зразумелай тутэйшая застойная палітычная і эканамічна-сацыяльная сітуацыя, масавая падтрымка аўтарытарызму.

Дзеля справядлівасці зазначу станоўчыя моманты, заслугі сялянства. Вёска здаўна жыла згодна сваіх канонаў. У былым «сацыялістычным лагеры» яна супрацьстаяла жорсткаму прыгнёту ўлады самымі элементарнымі якасцямі — жывёльным эгаізмам і інстынктам выжывання. Акрамя таго, вёска захоўвала родную мову, якая спрадвеку гуртавала нацыю, з’яўлялася яе абярэгам. На жаль, усё гэта ў мінулым. Цяпер і тут гучыць «беларуска-расійская трасянка», назіраецца хаос і сумбур у самім ладзе эканамічна-сацыяльнага жыцця сялян.

Практычна мы не маем ні вёскі, ні горада ў іх класічнай прадвызначанасці, ні вяскоўцаў і гараджан, якія свядома працавалі б на ўласны дабрабыт і на агульны матэрыяльны і культурны ўздым нацыі. Галоўная віна за гэта ляжыць на аўтарытарнай уладзе. Пасля атрымання незалежнасці яна не выпрацавала дакладную стратэгію развіцця эканомікі, гандлю, навукі, адукацыі, культуры, не вызначыла самыя прыярытэтныя,

Раптам уладзе тэрмінова спатрэбіліся незалежнасць краіны і нацыянальная свядомасць беларусаў, якія дагэтуль былі занядбанымі.

эфектыўныя, выгадныя кірункі. Усё звялося да пагоні за хуткім або нават імгненным капіталам.

Палітыка ўтрымання ўлады любымі метадамі адным чалавекам прывяла да маштабнага нахлебніцтва каля стала ўсходняй суседкі, да жыцця без адчування перспектывы, паводле прынцыпу «з плеч ды ў печ».

Улада не дала людзям свабодна жыць, займець першачарговы капітал, прыватную ўласнасць. Усё дазвалялася і дзялілася з самага верху і толькі сваім, беззваротна «адданым». Таму ў нас ёсць прыўладныя алігархі, але не развіваецца малы і сярэдні бізнес. Менавіта з гэтай прычыны пралегла глыбокая прорва паміж багатымі і беднымі людзьмі.

Не мая задача — рабіць аналіз палітыкі і эканомікі, аперыраваць лічбамі. Для гэтага ёсць спецыялісты, можна прачытаць іх матэрыялы. Я перадаю сваё, пісьменніцкае адчуванне пражытага і сцвярджаю, што дваццаць гадоў аўтарытарызму ў Беларусі — гэта пустая дэмагагічная балбатня і тупы «бег на месцы». Мы вярнуліся да таго, з чаго пачыналі.

Раптам уладзе тэрмінова спатрэбіліся незалежнасць краіны і нацыянальная свядомасць беларусаў, якія дагэтуль былі занядбанымі, індывідуальныя прадпрымальнікі з «вшивых блох», з ворагаў нечакана перайшлі ў статус тых, каго трэба падтрымліваць, нават па два словы на роднай мове пачалі прамаўляць некаторыя палітыкі, чыноўнікі, журналісты.

Толькі я ўпэўнены, што новыя абяцанкі зноў застануцца пустымі словамі, бо не будзе галоўнага — рэфармавання эканамічнай і палітычнай сістэмы. А без гэтага ў Беларусі немагчыма стварыць базу для нармальнага, цывілізаванага жыцця. Вядома, якія спрэчкі, бойкі і нават жудасныя забойствы адбываюцца з-за жылля, у якой галечы і антысанітарыі жывуць тысячы людзей.

Змарнаваны час не вернеш. Нязробленае вяртаецца да нас бумерангам: журботна глядзець, як імкліва пагаршаецца дабрабыт. У большасці людзей зарплаты і пенсіі не даганяюць цэны, якія кінуліся ў шалёны галоп. Не наведзены абяцаны парадак з аплатай камунальных паслуг, становіцца недасяжнай якасная медыцынская дапамога. Але для матэрыяльных праблем фактар часу, можа, не самы галоўны, іх можна рашыць раней або пазней.

Значна цяжэй вяртаць свабоду слова, а яшчэ ўсё страчанае ў гуманітарным жыцці нацыі. Тут прамаруджванне і марнаванне часу падобна смерці. Гэта тычыцца роднай мовы, адукацыі, культуры, бо працэс іх дэградацыі зайшоў далёка. Пра што можна яшчэ гаварыць, калі нават старшакласнікі многіх школ не ведаюць беларускія назвы месяцаў года?

У дэнацыяналізаваных людзей, якія кіруюць краінай, няма разумення выключнай важнасці рашэння моўнай праблемы для далейшага развіцця айчыннай адукацыі і культуры. А грамадзяне Беларусі практычна страцілі магчымасць паўнавартасна валодаць роднай мовай, атрымліваць на ёй сярэднюю і вышэйшую адукацыю. Вы можаце ўявіць такое ганебнае становішча ў Англіі, Францыі, Германіі, Італіі?

Самаліквідацыя нацыі якраз пачынаецца з абыякавасці да роднай мовы. І не трэба закалыхваць сябе сцвярджэннем, што мова неўміручая, што яна, нягледзячы ні на што, выжыве. Гэта не так! Латынь таксама існуе. Але дзе?

У рэзервацыі, якая створана ў Беларусі для роднай мовы, яна марнее з кожным годам. Усе гэта бачаць, ды не пратэстуюць. Але ж нам нядаўна паказалі, як услед за чужой мовай у краіну прыходзяць войскі. Узурпатар трасецца над сваёй уладаю, але не бачыць таго, што адкрытым застаецца пытанне самога існавання народа і краіны.

Прытым трэба памятаць, што сутнасць цывілізаванага жыцця не залежыць ад памераў краіны і яе рэсурсаў. Варта глянуць на дабрабыт Новай Зеландыі і параўнаць з беларускім, каб зразумець, у чым нашы памылкі.

Зноў вяртаюся да злавеснага сімвала. Непраходны баршчэўнік, што вымахаў вышэй чалавека, надта шакіраваў маю ўнучку, гарадскую жыхарку Марынку, з якой я прыехаў на малую радзіму. «О-ё-ёй! Вось гэта фантастыка!» — першае, што выгукнула дзяўчынка. Было спякотна, ад зарасніку патыхала задушлівай парнасцю. Нягледзячы на тое, што пры сонцы баршчэўнік моцна апякае сокам, у ім віравала жыццё — поўзалі розныя жучкі, кузуркі, вусені, лёталі матылькі, стракозы, прабегла мышка, заўважаліся кратовыя норкі. Што ж, выжыванне ідзе ўсюды. Прыкладна так, як біялагічны матэрыял, жыве пры аўтарытарызме пад страхам і прыгнётам постсавецкі чалавек, які пастаянна паўтарае: «Мы — людзі маленькія!», які спіхвае адказнасць за ўласны лёс на «правадыроў»…

Усё, што занатавана ў трывожным роздуме, — гэта не фантазіі паэта, не стогны старасці, а, як я звычайна адказваю сваім ідэалагічна заангажаваным апанентам, толькі канстатацыя фактаў.

Сяргей ЗАКОННІКАЎ

* * *

Жыццё пражыць –
нібыта скласці песню,
Дзе і матыў,
і словы,
як адно…
А люд тутэйшы сам сябе закрэсліў,
Бо слых і мова згублены даўно.

На «чыстых» і «нячыстых»,
як ніколі,
Нянавісцю падзелена радня,
І ў полі
маладой айчыннай долі
Не зацугляць нам волю,
як каня.

Не песня зноў гучыць,
а нескладушка,
Бо вечны страх не скінуты з плячэй.
Так і жывем,
узятыя на мушку
Праз прорезь жоўтых сталінскіх вачэй.

23. 03. 1996

Крутыя дні

Віктару Казько

Быццём такі сюжэт закручаны,
Што стогне ў вечным сне Шэкспір.
У дзён крутых, дарэшты ссучаных,
Паехаў розум набакір.

З чужога шалу надта круціцца
І ў непрычынных галава…
Усё, над чым стагоддзі рупяцца,
Бярэ ў абдымкі схоў-трава.

На дрэве нацыі — ні лісціка,
Сякуць манкурты карані.
Наперад каляндар не лісціцца,
Назад адкручваюцца дні.

Пад пугай круцялёў-палітыкаў
Чарговы «судны час» прыйшоў.
Пагоны цэнзараў і крытыкаў
Вісяць над кожнаю душой.

Няўцям ім ісціна няўмольная,
Што ў мове молада звініць, —
Жыццё — таксама рэч крамольная…
Ды паспрабуй яго спыніць!

Свет не ўратуюць веры літары,
Але мы пішам нездарма.
Ні ў кога не папросім літасці.
За што? У нас віны няма.

Наш хлеб і слова не пазычаны
У тых, хто сквапна куш грабе.
Мы да жыцця не ў апазіцыі…
Мы проста самі па сабе.

Глядзіцца ў Прыпяць прывід-выпаўзень –
Сляпы чарнобыльскі заход…
На волю нас не хоча выпусціць
Маной задураны народ.

Вунь ён жуе падлянку тухлую,
Не давіцца чужым дзярмом.
А мы з натоўпам не патупаем,
У нас ёсць свой і харч, і дом.

Дні, толькі праўдай гадаваныя,
Пачуюць роднасці струну.
Праб'юцца сэрцы надарваныя
Праз цемрашальства круцізну!

17. 06. 2007

* * *

І ў ссівелым быцці
ёсць драбочак мілосці,
За абрусам надзей,
хоць радзей,
ды сядзім…
Жаль,
не так,
як раней,
разыходзяцца госці:
Хто да новай сустрэчы,
а хто – назусім.

На парозе стаім і глядзім – вочы ў вочы,
Можна гэтаю моваю
праўду сказаць:
За плячыма – жыццё,
і яго не надточыць
Вінаватая ўсмешка ці нават сляза.

21. 03. 1996

Крыж

Мова дадзена Богам,
Слова было найперш...
Прэч ад мяне,
знямога!
Духам не падай,
верш!

З верай у лёс народа
Кроч праз глухі натоўп.
Ён няўцямна заўсёды
Праўду пад рэбры тоўк.

Яшчэ за туманам падману не відна нічога,
Але праз любоў і пакуты пралегла дарога.
Пад грузным крыжам гнуцца радкі і строфы,
Іду ўслед за імі адчайна і я — на Галгофу.

Шлях знаёмы,
не новы...
Грукаюць малаткі.
І ў дзяржаўную мову
Можна загнаць цвікі.

Можна,
ды што пакінеш
Дзецям сваім,
беларус?
Мусіш і ў дамавіне
Несці праклёну груз.

Хутка змяце,
як вецер,
Семя пустое час.
Будуць усе на свеце,
Толькі не будзе нас.

На Герастата славе
Высака не ўзляціш,
А на сабе паставіш
Самы апошні крыж.

Студзень – люты 1996 г.

З паэмы «Зязюля»

ГАЛАСАВАННЕ

Нічога не бачым,
нічога не чуем:
Праўда галосіць,
а мы «за!» — галасуем,
Воля галосіць,
а мы «за!» — галасуем,
Доля галосіць,
а мы «за!» — галасуем...
І самі галосім,
але «за!» — галасуем.

ГНЯЗДО

Хоць вякі ў турботах прамінулі,
Ды дарэмна — знаку не відаць...
Беларусь — гаротная зязюля,
Як і ў той,
няма ў цябе гнязда.

Ты суседзям дзетак падкладала,
Выраcталі — ведаў свет пра іх!
А сама пад крылы захінала
Пустадомкаў нашых і чужых.

Хоць яны тутэйшыя нібыта,
Ды даўно плююць Айчыне ў твар,
Бо для іх наш край з усім набыткам —
Сытая кармушка і тавар.

Кожнаму прарабу выраджэння
Не патрэбен Адраджэння гмах.
Цiснуцца ў зацятым ачмурэнні
Ад свайго пад нейчы «лепшы» дах.

Жабракоў чужына не прытуліць.
Сэнс разумны цвёрда кажа: «До!»
Беларусь — бяздомная зязюля,
Трэба віць табе сваё гняздо.

Ведаць усіх калег нават у невялікім Віцебску практычна немагчыма. Але з Аленай Сцяпанавай знаёмыя ледзь не ўсе журналісты. І не толькі таму, што яна кіруе Віцебскай філіяй БАЖ. А найперш праз тое, што яна крэатыўная і адкрытая. Размаўляць з Аленай — вялікае задавальненне. Пісаць пра яе — задавальненне таксама, але іншае. Яна заўсёды ўстрымліваецца ад катэгарычных ацэнак і рэзкіх выказванняў у адрас калег. Але надзіва вобразна можа даць азначэнне, якое западае ў памяць надоўга. Вось сказала на днях: «Я не люблю "слязлівых" тэкстаў».

Алена Сцяпанава: «Не люблю "слязлівых" тэкстаў!»

— Алена, што такое «слязлівыя» тэксты? І па якіх крытэрыях асабіста ты ацэньваеш іх якасць?

— Я не люблю, калі чытача або слухача спрабуюць разжалабіць, выціснуць слязу. Каб было нібыта душэўна. Бо «душэўна» — не заўсёды бывае добра. Няма журналістыкі шкадобы. Наадварот, вельмі цяжка пісаць, калі напісанае вымагае слязы. Але трэба, каб чалавек не толькі плакаў над сваім горкім лёсам ці бядой іншага. Лепей, калі ён пачне шукаць нейкае выйсце, і калі знойдзе, дык будзе проста выдатна! І яшчэ я не люблю ў тэкстах жадання пакрасавацца: калі аўтар нібыта любуецца сваімі пачуццямі — тым, што яму нешта баліць і як ён карцінна пакутуе над лёсам героя, а насмрэч выстаўляе на паказ сябе.

Я не прафесійны журналіст, вучылася «метадам тыка». Адзін з «тыкаў», які я атрымала ў школе жыцця — выбар тэм. Калі цябе нешта цікавіць, яно зацікавіць і іншых. Важна проста прыслухоўвацца да сябе. А адзнака якасці — гэта ўзровень валодання мовай, магчымасцямі перадачы і трансфармацыі. Перадаць так, каб было зразумела. Я нярэдка, калі размаўляю з прафесіяналамі ў той ці іншай галіне, іх перарываю і прашу: а цяпер патлумачце так, каб зразумела бабка ў глыбокай вёсцы. Ніколі не бянтэжуся некалькі разоў перапытаць, калі не ўпэўнена ў дакладнасці. Карацей, жарт, што «журналісты самыя неадукаваныя людзі, бо ўвесь час пытаюцца», — гэта пра мяне.

«Я люблю вучыцца»

— Алена, у цябе дзве адукацыі і з іх ніводнай журналісцкай. Як так здарылася? Ты доўга не магла вызначыцца?

— Мяне вызначыла мама. Я скончыла школу ў 16 год і была меньшай у сям'і. Калі аб'явіла, што хачу быць журналістам — а я гэтага хацела заўсёды — мама сказала: «Не, у Мінск вучыцца ты не паедзеш. Гэта далёка, а ты малая. Вунь табе праз дарогу прыўкрасны інстытут, філфак. Гэта амаль тое самае». Дайсці да інстытута было 4 хвіліны. Я так і хадзіла: у мяне было паліто на гаплычках, і за дарогу да «альма матэр» я якраз паспявала іх зашпіліць і расшпіліць.

Дома было сказана: калі ты зразумееш, што гэта не тваё канцэптуальна — кідай. Я не магу сказаць, што вучыцца мне было дужа цікава, але кідаць было шкада. Так і вывучылася, нават папрацавала ў школе гадоў з пяць. І тут у школьнай праграме з'явіўся курс сусветнай мастацкай культуры. І мы з сяброўкай паехалі на перакваліфікацыю ў Мінск, там я атрымала другі дыплом — выкладчыка культуралогіі. А паколькі займаліся мы побач з інстытутам культуры, адтуль былі і выкладчыкі, якія мяне заўважылі і прапанавалі аспірантуру. Спачатку мне туды вельмі хацелася, бо я люблю вучыцца, мне падабаецца сам працэс. Думала, што якраз у аспірантуры я гэтым і займуся. Пакуль ішла праграма навучання, было дужа добра. Але як толькі дайшло да напісання кандыдацкай дысертацыі, зразумела: навука — гэта не маё. І з аспірантуры сышла. Яшчэ некалькі год працавала ў школе і камерцыйным універсітэце ў Воршы. А потым з мужам і дачкой пераехалі ў Віцебск: памерла мама і тату было сумна жыць аднаму.

— Не так даўно журналістка Алена Сцяпанава паспрабавала сябе ў ролі кінасцэнарыста. Як ты ў наступны раз будзеш самавыяўляць сябе?

— Па-першае, кіно мне яшчэ не надакучыла. Гэта занятак для мяне новы. А я аказалася абсалютна не гатовая да гэтага... Кіно для мяне — іншы свет. Страшэнна цікавы, бо я ў ім навічок. Я вучуся, тыркаюся, мне ўсё падабаецца. Таму кіно мне не хутка надакучыць. Па-другое, ніколі нельга прадказаць, куды я пайду далей. Проста не ведаю. Буду рабіць тое, што ляжа да душы.

«Нецікавых людзей няма»

— Як жа школьная настаўніца трапіла ў журналістыку?

— Я заўсёды пісала. У школе ўдзельнічала ў розных конкурсах, на філалагічным факультэце мы выдавалі газету. Потым стала настаўніцай, але не пісаць ужо не магла. Тады я прыйшла ў аршанскую газету «Ленінскі

прызыў». Часы былі вясёлыя — ішоў да развалу Савецкі Саюз, прапагандавалася галоснасць, газета друкавала дастаткова вострыя матэрыялы. У Оршы якраз стварыўся клуб аматараў гісторыі і краязнаўства «Повязь». Вядома, я была з імі і шмат пісала пра дзейнасць клуба, які змагаўся за захаванне гістарычнай спадчыны на Аршаншчыне.

А яшчэ ў рэдакцыі «Ленінскага прызыва» я сустрэла чалавека, без якога, магчыма, з мяне і не атрымаўся б журналіст. Ала Самуілаўна Танчэўская стала маёй хроснай маці ў прафесіі, бо ўрок, які я ўзяла ад яе — самы важны. У газеце яна працавала ў сельскагаспадарчым аддзеле. Для мяне было надта дзіўна: я не разумела, як можна з натхненнем пісаць пра надоі або ўраджай буракоў, калі табе гэта зусім не блізка. Тады яна мне сказала: «Пішуць не пра надоі, а пра людзей. Пішы пра людзей на любую тэму — і ніколі не памылішся».

Так яно і ёсць: людзям цікава чытаць пра такіх, як яны самі, або пра тых, хто абсалютна іншы. Яны шукаюць падабенства ці розніцу, аналізуюць чужыя ўчынкі, транслюруюць на сябе, але ніколі не застаюцца абыякавымі… Наша сяброўства з Алай Самуілаўнай было доўгім, пакуль не перарвалася з вялікім болем і жалем: мінулай восенню пасля цяжкай хваробы мая мудрая настаўніца сыйшла ў лепшы свет.

— Алена, у нашай краіне кожны журналіст мусіць зрабіць прынцыповы выбар: працаваць у дзяржаўных СМІ ці пайсці ў незалежныя. На чым грунтаваўся твой выбар?

— Я абрала незалежную журналістыку, бо адыгралі сваю ролю і прынцыповая пазіцыя, і жаданне драйву. Для мяне заўжды была важная ўнутраная свабода. І я не ўяўляю, як магла б пісаць пра тое, з чым я ў душы не згодная, але чаго вымагае ідэалагічна выверaная рэдакцыйная палітыка. А сёння я бачу карысць ад таго, чым займаюся, і буду рабіць сваю справу пры любых умовах. Нават ва ўмовах непажаданага «драйву», калі за занятак журналістыкай на мяне двойчы заводзілі адміністрацыйныя справы.

— Апошні драйвовы момант такога кшталту, як я разумею, быў звязаны з акцыяй «Станем за журналістыку»?

— Можа і так. Хоць драйв атрымалі зусім не ад таго, ад чаго планавалі. Калі ў 2014 годзе мы вырашылі далучыцца да гэтай сусветнай кампаніі, то наша ідэя выглядала цалкам бяскрыўдна. Фотасесія на фоне закінутага будынка з графіці на сцяне: тры клеткі і тры птушкі, зробленыя з сапраўдных газет. На апошнім малюнку птушка вырываецца з клеткі. Чым не сімвал свабоднай журналістыкі? Проста сфатаграфавацца нам падалося нецікава, таму мы нарабілі птушак-арыгамі і выразалі

«Птушкі без клетак» з'ядналі віцебскіх бажаўцаў

з паперы клеткі: фатаграфаваліся з «рэквізітам», як потым было напісана ў міліцэйскіх пратаколах. Шасцярых удзельнікаў фотасесіі аштрафавалі на сумы ад 18 да 25 базавых велічынь. Штрафы потым так і не атрымалася аспрэчыць. А выпадковага мінака, які даведаўся, што фатаграфуюцца журналісты, і вырашыў нас падтрымаць, увогуле арыштавалі на трое сутак… Справы за фатаграфаванне «з птушкамі і клеткамі» набылі шырокі грамадскі рэзананс, у тым ліку міжнародны. Еўрапейская федэрацыя журналістаў (IFJ) і ГА «БАЖ» выступілі з адкрытым лістом у падтрымку ўдзельнікаў фотасесіі. А прадстаўнікі IFJ правялі акцыю салідарнасці з віцебскімі калегамі — паўтарылі фотасесію ў Брусэлі, трымаючы ў руках папяровыя птушкі і клеткі, а таксама шыльдачкі з надпісам «Хіба гэта злачынства?». У інтэрнэце пачалося абмеркаванне: ці насамрэч на фотасесію ў грамадскім месцы патрэбны дазвол мясцовых уладаў, як на пікет ці мітынг, або гэта выдумка віцебскай міліцыі, даўно «неабыякавай» да незалежных журналістаў… Пэўна, каб гэтую непрыгожую гісторыю неяк замяць, з віцебскага аблвыканкама паступіла распараджэнне замаляваць графіці: замест трох клетак, з якіх вырываліся на волю зробленыя з газеты птушкі, цяпер тры няроўныя шэрыя квадраты.

Але да гэтай гісторыі яшчэ варта дадаць, што яна з'яднала віцебскіх бажаўцаў. Мы яшчэ больш пасябравалі адно з адным — нават тыя, хто не ўдзельнічаў у фотасесіі, а толькі назіраў за гэтым «драйвам» збоку.

— У гэтым годзе філія БАЖ, якую ты ўзначальваеш, была прызнана лепшай. Ты любіш паўтараць, што галоўнае ў Віцебскай філіі — гэта каманда. І тым не менш што адчуваеш, атрымаўшы такое прызнанне?

— Лёгкую разгубленасць. І вялікую адказнасць. Разгубленасць праз тое, што мы ніколі не рваліся на першае месца. Мэта была іншая: каб нам, занятым прафесійна круглыя суткі, было чым сябе парадаваць, зрабіўшы пры гэтым нешта карыснае. І насамрэч, галоўнае — гэта каманда, але не ў тым сэнсе, каб уся Віцебская філія — тры дзесяткі чалавек — сабралася і некуды разам рушыла. Мы, я думаю, знайшлі аптымальны варыянт для нашай дзейнасці, калі людзі працуюць «па інтарэсах»: нехта распрацоўвае канцэпцыю мерапрыемстваў, нехта прапануе тэму для семінара ці трэнінга, нехта падтрымлівае старонку «Віцебск. Нашы ў горадзе» у Фэйсбуку, нехта вядзе ўсіх ахвотных на фотапленэр, нехта пячэ пірагі для нашых сустрэчаў, нехта даглядае «Алею вольнай прэсы», якую мы пасадзілі ў лістападзе… Адсюль — вялікая адказнасць: трэба і далей працаваць такім чынам, каб нашым бажаўцам было цікава разам. Таму я вельмі ўдзячная і за крэатыўную, і за практычную дапамогу ўсім, хто

Віцебская філія – лідар БАЖаўскіх суполак

не застаецца абыякавым! Я маю на ўвазе і мой любімы «актыў» віцебскай філіі, і падтрымку актывістаў з бліжэйшых рэгіёнаў — з Полацка, Глыбокага, Оршы, Барысава. Разам зрабіць можна нашмат болей.

— А што значыць для цябе кар'ера? Як лічыш, ты яе зрабіла?

—Думаю, што яшчэ не зрабіла. Прынамсі, шлях наперадзе яшчэ доўгі. Бо кар'ера ў маім разуменні — быць добрым журналістам. Да гэтага можна ісці ўсё жыццё. І трэба гэта рабіць! Працэс самаўдасканалення бясконцы — няма планкі, да якой можна дакарабкацца, сесці на яе, звесіць ножкі і сказаць: нарэшце я класны журналіст. Нават калі пішаш ужо не адно дзесяцігоддзе. Дарэчы, першы артыкул у газету, тагачасны «Віцебскі рабочы», я напісала класе ў шостым, калі не раней. Мяне абурыла, як па-варварску абразаюць увесну таполі ў нашым двары. Маці сказала: «Дык напішы ў газету!» Я напісала, і артыкул не толькі недрукавалі, але яшчэ і прыслалі афіцыйны адказ — нешта там пра планы абрэзкі ў ЖКГ. Так што магу сказаць, што ад самага пачатку ўзялася за крытычныя матэрыялы. Жартую, вядома, але часам усё ж адчуваю прафесійную дэфармацыю асобы, як гэта называюць калегі. Вось ідзе снег, нармальныя людзі радуюцца, у снежкі гуляюць, бабу снежную лепяць. А я разважаю: ці ж выедзе своечасова снегаўборачная тэхніка?

«Дар працаваць са словам трэба выкарыстоўваць»

— Памятаеш, у юнацтве ты пісала вершы? Што ты адчуваеш зараз, калі перачытваеш іх?

— Адчуваю, што мне вельмі сімпатычная гэта дзяўчына, якая пісала тыя юнацкія вершы. У той час я пазнаёмілася са многімі знакамітымі паэтамі, яны былі для мяне мэтрамі, і нехта з іх бачыў маю вялікую паэтычную будучыню. Магчыма, нейкіх спадзяванняў я не апраўдала: вершы мяне сур'ёзна не завабілі. Прынамсі, да такой ступені, каб укладаць зборнікі і ўступаць у творчы саюз. Дарэчы, я пішу вершы і зараз. Але мне зусім не хочацца бачыць іх у кнізе пад вокладкай. Я часам нават забываю, куды іх запісваю, калі запісваю наогул. Мне падабаецца, што яны жывуць недзе ў вольнай прасторы — складаюцца, камусьці чытаюцца ці дасылаюцца па пошце — і ўсё. Больш яны ўжо не мае — яны паляцелі…

— Які ў цябе яшчэ шкілет у шафе?

— Некаторы час я займалася мастацкім перакладам. З мужам Віктарам у пары. Перакладалі з ангельскай, нешта з нашых перакладаў друкавалася. Віктар перакладаў касцяк, а я па-мастацку ўсё гэта апрацоўвала. Бывала, ён на мяне сварыўся: я часам кудысьці задужа «умастачывалася». А мне было вельмі цікава знайсці амаль навобмацак (бо мову я добра не ведаю) што-небудзь такое, што адпавядала б сапраўднасці.

Увогуле ж я пераканана: праца са словам — гэта праца, да якой трэба ставіцца вельмі сур'ёзна. У мяне ёсць прынцып: калі ў цябе просяць дапамогі ў працы са словам, адмаўляць нельга. Бо схільнасць да слова трэба выкарыстоўваць. Гэтаму нельга здраджваць, як сакральнаму дару, атрыманаму ад Сусвета. Для мяне сталася так, што журналістыка — гэта штодзённая праца са словам, і я імкнуся працаваць з ім сумленна.

«Ніколі не хацела культываваць свае амбіцыі ў дзіцёнку»

— Зразумела, што праца — вялікая частка жыцця. А як размяркоўваюцца іншыя прыярытэты?

— Гэта пытанне пра сямейныя абавязкі, я так разумею? Пра мужа, дачку, і як яны ўсе са мной, неўгамоннай, ужываюцца? Тут усё проста: Кася з'явілася, калі я была яшчэ вельмі маладая. Няньчыць яе не было каму, муж мой таксама працуе ў журналістыцы. І Кася заўсёды была з намі: мы цягалі яе на імпрэзы, выставы, нават вучобу. Памятаю, узяла яе з сабой на заняткі ў аспірантуру. Семінар па філасофіі, і выкладчыца раптам пытае: «Хто пакараў гэтага дзіцёнка?» Касечка між тым сядзіць на задней парце і нешта там малюе. Яна так прывыкла, ёй добра. Таму нешта размяркоўваць па прыярытэтах мне ніколі не даводзілася. Мая сям'я і мая праца добра суіснавалі заўсёды.

— Журналістыка — гэта праца круглыя суткі. І ўсё-ткі на што табе яшчэ хапае часу?

— Ёсць рэчы, якія я проста люблю рабіць. Я скончыла музычную школу, з дзяцінства люблю спяваць і няблага спяваю, калі для гэтага ёсць добрая нагода і добрая кампанія. Умею рабіць саламяных павукоў. Быў такі не вельмі спрыяльны перыяд у маім жыцці, калі яны нават падкармлівалі: я рабіла іх на продаж для мастацкага салона. Шкадую, што не навучылася іграць на гітары. Не адолела, бо мне было балюча заціскаць струны. Разумныя людзі потым патлумачылі, што гітара за 16 рублёў — гэта жорстка. Аднак жа іншыя здолелі, а я — не. Затое я здолела ўжо ў дарослым узросце крыху вывучыць англійскую мову. Не так, каб на ўзроўні «чытаць Шэкспіра ў арыгінале», але за мяжой ужо не згублюся. Кася мая раней пасмейвалася, што я — адзіная ў сям'і, хто па-англійску не разумее, але цяпер я амаль на роўных.

— Ці задаволена ты дачкой? Ці бачыш у ёй свае нескарыстаныя магчымасці?

— Я пра гэта вельмі многа думала. Мне нізавошта не хацелася б нейкія свае амбіцыі культываваць у дзіцёнку. І па-мойму, я гэтага пазбегла. Атрымлівалася так, што Кася расла, а я паралельна сталела. І вырасла яна іншай — не такой, якой была я ў ейным узросце. Яна вельмі самастойная і умее шмат з таго, чаго не ўмею я. Напрыклад, яна самастойна пайшла ў мастацкую школу, і гэта было выратаваннем для нашага дома. Таму што Кася малявала на кожнай паперцы, якую бачыла. Яна скончыла і мастацкую школу, і гімназію, і факультэт журналістыкі і масавых камунікацый ў ЕГУ. Гэта таксама быў яе свядомы выбар: адразу пасля школы яна паступіла і ў БДУ на журналістыку, прычым на бюджэт, вучылася бясплатна. А для працы выбрала Вільню і кажа, што не шкадуе. Цяпер яна па-ранейшаму малюе, бо ёй прыносяць задавальненне і магчымасць пісаць, і праца з фарбамі. Магчыма, у пэўных жыццёвых выпадках я рабіла б іначай, чым яна, па-іншаму б сябе паводзіла. Але я бачу ў ёй цэласную асобу, якую вельмі паважаю.

— Алена, як ты думаеш, дзякуючы чаму ты такая, якая ёсць?

— Я веру, што чалавека ў значнай ступені фарміруе асяроддзе.Таму думаю, што мяне, такой якая ёсць, зрабіла жыццё. Людзі, з якімі даводзілася сутыкацца, мая сям'я, мае бацькі. Мне між іншым істотна пашанцавала: для мяне беларуская мова — матчына. Мама выкладала мову ў школе, бацька паходзіў з Пастаўшчыны, а гэта далёка ад руска-беларускага памежжа, і таму дома ў нас часта размаўлялі па-беларуску. Першая мова маёй дачкі — таксама беларуская. Я вельмі гэтым ганаруся. Ганаруся сваімі сябрамі, бясконца шчаслівая тым, што ёсць каму падтрымаць мяне ў цяжкую хвіліну. Напэўна, дзякуючы ўсяму гэтаму я такая, як ёсць. І мне не страшна заставаца сабой, бо за спінай — падтрымка блізкіх мне людзей, мае крылы.

Размаўляла Вікторыя ДАШКЕВІЧ
Фота аўтара і Барыса ГАРЭЦКАГА

Жизнь в розовом цвете,

или Один день с белорусским телевидением

Екатерина КОВАЛЕВА,
«Беларускі Калегіум»

Судя по новостям из независимых СМИ, экономическая ситуация в стране сложная и пока об улучшениях говорить не приходится. Да и в житейских разговорах белорусов все чаще слышишь жалобы, что жить стало труднее, цены растут, зарплаты падают…

А о чем в эти дни говорят на белорусском телевидении? Какие проблемы поднимают журналисты государственных телеканалов? Чем развлекают белорусского зрителя? Я решилась на небольшой эксперимент и провела один день в компании белорусских каналов – Беларусь 1, ОНТ и СТВ.

Утро

Мое утро началось с новостей. По центральным каналам говорили примерно об одном и том же. Порадовали новостями, что Беларусь и Индия подписали пятилетний меморандум на поставку калийных удобрений, в Гродненской области обесточены всего несколько населенных пунктов, но ремонтные работы ведутся и скоро всем будет свет, а белорусский кинематограф взялся за съемки фэнтези.

Зарубежная картина была менее радужной: кризис в Шенгенской зоне, убийство сотрудницы центра для мигрантов в Швеции, паника на азиатских биржах из-за падения цены на нефть, снежная буря в США и недополученная из-за непогоды многомиллионная прибыль, забастовка транспортников во Франции, вирус Зика в Латинской Америке и лихорадка денге в Аргентине. После этого оставалось порадоваться, что белорусов не коснулись такие проблемы.

Сетка вещания белорусских каналов составлена просто: после порции новостей демонстрируют что-нибудь развлекательное, чтобы люди расслабились. Телезрителям предлагают кино и передачи достаточно широкой тематики.

На одном канале можно было погрузиться в мир магии и эзотерики, на другом — посмотреть мелодраматический сериал российского производства (героев много, но в сюжете не запутаешься). Еще в этот день можно было узнать, какие пряники в России самые вкусные и полезные, или посмотреть программу типа «Модный приговор», где слушалось «Дело о веселой вдове». Еще для поднятия настроения транслировалось скетч-шоу и шутки вроде «мы нашли Ваш автомобиль, правда, у Вас угнали мерседес, а нашли мы жигули».

Все обнаруженные мною передачи были российского производства, белорусская тематика там отсутствовала.

День

К обеду информационная картина расширилась: президент уже успел провести совещание с правительством по насущным экономическим вопросам. Телеканалы продемонстрировали требование главы Беларуси: «Все должны быть поставлены под ружье и давать результат». Затем последовал кадр, как члены правительства сосредоточенно записывают поставленную задачу у себя в блокнотах.

Показали и премьер-министра, который заверил, что хоть правительство и рассчитывало пережить текущий год при цене в 50 долларов за баррель нефти, но было готово к цене и в 30 долларов. После всего этого у людей, вероятно, должна была появиться уверенность, что кризис страна преодолеет, даже если стоимость нефти упадет до 10 долларов.

Далее зрителей порадовали рассказом о новых успешных проектах белорусской таможни. Они обошлись в 20 миллионов долларов, но зато каждый затраченный рубль приносит 49 рублей дохода. Вспомнили и Владимира Мулявина, которого не стало 13 лет назад, рассказали о патриотической акции студентов «Звездный поход».

За рубежом все по-прежнему было плохо: продолжался кризис в Шенгенской зоне, разгоралась паника на азиатских биржах, США подсчитывали недополученную прибыль из-за снежной бури, во Франции к забастовке транспортников подключились работники госструктур.

После новостей кроме созерцания российских ток-шоу белорусский телезритель мог порадоваться достижениям молочной отрасли на примере Березовского сыродельного комбината и узнать о нововведениях в поликлиниках, убедившись, что Минздрав делает все для комфорта пациентов.

Вечер

Вечерний эфир белорусских каналов наполнили ток-шоу и сериалы (правда, опять российские), криминальная хроника страны, прогноз погоды, розыгрыши лотерей.
Итоговые новостные передачи пестрили позитивными событиями: подробно осветили совещание президента с правительством, рассказали об успехах белорусской экономики, о скором появлении в магазинах дьюти-фри лучших белорусских товаров, о круглогодичном фермерстве, о низком уровне заболеваемости ОРВИ и успешной вакцинации от гриппа.

Картину немного подпортила новость о падении белорусского рубля, но оказалось, что бояться нечего: специалисты называют это финансовыми качелями и виной всему слишком сильные внешние факторы.

На этом я решила завершить свой телевизионный день. А для других зрителей начались трансляции очередного российского сериала, шоу об экстрасенсах и юмористического шоу.

Итоги

29 новостей о Беларуси

из них 25 освещались в позитивном ключе

23 новости о зарубежье

из них 17 оказались негативными

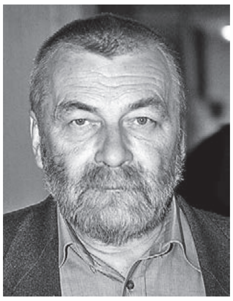
Беларусь в телевизоре какая-то другая: добрее, сильнее, красивее. И никаких тебе простоев на предприятиях, ни девальвации, ни падения зарплат, никаких избитых в суде журналистов. Наверняка многие из нас хотели бы жить в такой стране.

Пищат, но лезут

В Беларуси возникла забавная ситуация. Руководители государства, официальные и «независимые» эксперты, ученые, политические и общественные лидеры, простой люд мучительно размышляют, что с ними (и с нами) будет в наступившем году.

Константин
СКУРАТОВИЧ

При этом в обществе нет однозначного ответа на вопрос, что, собственно, произошло еще вчера, то есть в истекшем году? Какое событие из вороха других можно выбрать и сказать: вот это — главное? Выборы? Возможно, но отношение к ним совершенно неоднозначное. Можно сказать, плюралистическое, если вспомнить Михаила Горбачева, но совершенно несвойственное достаточно инертному белорусскому обществу. До этих «выборов» оно делилось, как неоднократно отмечали социологи НИСЭПИ (Литва), на два примерно равных и почти антагонистических лагеря: тех, кто за Лукашенко, и тех, кто против.

Будущие и настоящие оппоненты президента пищат, но лезут!

Чтобы не было мучительно больно...

Всякий раз сторонники выступали монолитной, молчаливо агрессивной группой, объединяемой административной «скрепой», а противники спорили с ними и между собой и объединялись лишь тогда, когда достижение согласия становилось необходимым для политического выживания. Для сохранения за собой права презентовать обществу свои взгляды и интересы, которые, по их мнению, созвучны интересам всего общества.

Пропрезидентские силы, однажды встав на позиции, пошли дальше — от одной «элегантной победы» к другой, а антилукашенковским после каждой проигранной кампании приходилось отправлять свое политическое войско на переформирование, и отнюдь не каждый боец разбитой армии возвращался в строй. Многие остались верны цели борьбы до полной победы, но многие смирились и стали приспосабливаться к ситуации, которая позитивных подвижек не обещала. А жизнь, как известно, одна и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно…

Так часто бывает со школьниками, которым не дается математика. Решай не решай задачку, а ответ не сходится. Не заняться ли лучше физкультурой или музыкой? Ведь спортсмены и гитаристы нравятся девчонкам больше, чем субтильные отличники.

Представьте, математика самым непосредственным образом повлияла на политическое развитие Беларуси. После первых президентских выборов, когда избиркомовцы в первый и последний раз исполнили свое прямое предназначение — относительно честно подсчитали голоса избирателей, обычная арифметика стала политической наукой. Можно сказать, классовой. После этого никто не мог достоверно пересчитать-рассортировать белорусов по их политическим «мастям». Избирком, который уже накануне второго референдума (1996 г.) не скрывал своей ангажированности, всегда присуждал кандидату от власти сокрушительную победу. По очкам, но с огромным преимуществом. Проигравшая сторона с этим не соглашалась, но только в одном — что количество проголосовавших избирателей на отдельных участках не может быть больше или меньше 100 %. А у избиркома получалось по-разному.

Поэтому в официальные результаты выборов мало кто верил, включая группу «победителей». Более-менее правдоподобно они могли судить о тенденции. Если и на этот раз объявляется, что главный кандидат получает абсолютное большинство голосов, то власть не собирается вступать в диалог с обществом. Одни при этом воодушевлялись — их планам ничего не угрожает, другие впадали в уныние — «опять двойка».

«Третья группа»

К сожалению ли, к радости ли, но никто правила арифметики отменить или изменить не может. Например, часто арифметикой злоупотребляет статистика, когда манипулирует данными о средней заработной плате, прикладное значение которой для каждого отдельного человека приближается к нулю. В отличие от конкретной, полученной им зарплаты, определяющей его намерения и возможности. Иными словами, к последним «перевыборам» большинство сограждан потеряли интерес, учитывая предыдущие манипуляции с избирательной цифирью. «Сторонники» резонно считали, что независимо от их участия нужный результат их кандидат получит. «Противники» понимали, что «переголосовать» главного кандидата невозможно. Какие там выборы! Участвовать в них — значит добавлять политического веса узурпации власти.

Но появилась «третья группа», по существу гетерогенная, сформировавшаяся из самых разных по социальному статусу людей, по роду занятий, материальному достатку, месту проживания, возрасту. Эта группа не смогла отказаться от участия в процессе, считая, что участие даже в безнадежном деле в итоге будет каким-то образом вознаграждено. И если только снова начнется рост цен, а инфляция, как и прежде, съест львиную долю кровно заработанных, то они своим участием в голосовании покажут, что «такая-сякая» жизнь в стране продолжается. И они «такие-сякие» все же живут, и в них живет стремление к переменам.

Все остальные не стремятся, следовательно, не живут.

К «третьей группе», вопреки доминирующему мнению, примкнули неискушенные в политике люди, обыватели, которые всегда участвовали и «голосовали сердцем». Тем и были удовлетворены, но теперь почувствовали, что их прежний кумир поистерся и поизносился. Пришло время брать развод и подыскивать новую подходящую партию.

Гол в «раздевалку»

Особая тема — представительная группа людей среднего возраста (сорокалетних), переживающих социальную зрелость, находящихся на пике созидательных возможностей, реализовавших себя и разочарованных. Многие из них впервые голосовали еще в 1994 году. Они понимают, что приходит их время. В политике, в экономике, в профессии — везде, где они начинают доминировать по объективным обстоятельствам, — под их давлением, но и субъективно для сохранения завоеванного жизненного пространства и его расширения неизбежны перемены. Тот случай, когда шансы, во-первых, даются не всем и реализуются только самыми активными и настойчивыми. Во-вторых, ими же создаются способы для реализации полученных шансов.

Такое часто происходит в спортивных играх, когда выигрывающая команда старается сбить темп, не гнушается тактики мелкого фола, затягивает время, а проигрывающая спуртует и очень часто забивает позарез нужный гол даже в добавленное время. Так почти всегда происходит в английской футбольной премьер-лиге.

В связи с этим можно отметить, что время «сорокалетних» уже пришло (возраст, в котором Лукашенко стал президентом), но он еще не чувствует, что его время уходит. Имеется в виду не биологический, а политический возраст. Так уж получилось, что созданная им система оказалась архаичной, охранительной, скудной плодами и обычными человеческими радостями. Какое-то время система способна по минимуму обеспечивать потребности своих создателей, но является бесплодной для нового поколения, которое неотвратимо вторгается в системную жизнь.

Как пелось в «Гимне демократической молодежи»: «Эту песню не задушишь, не убьешь!». Проще говоря, будущие и настоящие оппоненты президента пищат, но лезут. Им нельзя отсиживаться, как мышам под веником.

Собственно, молодежь — родившиеся при Лукашенко и получившие официальную идеологическую обработку люди — стала или становится гражданами своей страны. И представляет собой очень пеструю группу. Среди них, например, много безработных, много тех, кто не получил профессионального образования, как и тех, кто никогда не имел регулярной занятости, перебиваясь с хлеба на квас случайными заработками. Они не хотели и не дошли до БРСМ. Сейчас власть прессует многих из них за отказ «в финансировании государственных

программ». Не думаю, что в этой группе большинство принадлежит к сторонникам президента.

БРСМ. Здесь сосуществуют откровенные карьеристы и обыкновенные конформисты, которых по местам расставит сама жизнь. И они это знают. Но многие из них не догадываются, что на самом деле существующая система власти не отличается прочностью. С другой стороны, система удовлетворяет свои кадровые потребности за счет рекрутов из близкого к ней окружения (из так называемой элиты). Всем же остальным «карьеристам» система готова предложить лишь преданное служение без особого расчета на щедрое вознаграждение.

Возможно, выборов не будет

Но система всегда готова использовать любого для публичной порки, ради укрепления своих устоев, ради назначения того или иного «винтика» на роль козла отпущения. Чем дольше просуществует система, тем больше ей потребуется мнимых злодеев, согласных на публичное покаяние.

Идеология и пропаганда. Они малоэффективны для воздействия на сознание молодежи. Например, в новогодние дни БРСМ проводил республиканскую благотворительную акцию «Чудеса на Рождество», которую анонсировали самым «замечательным» образом: «К сожалению, жизнь не всем дает равные возможности, но право на рождественское чудо есть у каждого ребенка. В наших силах разделить светлую радость Рождества с теми, кто… нуждается в нашем внимании». Чистейшей воды эклектика, смешение стилей, фактический «антипрезидентский» клип, поскольку сам глава государства гарантировал равные возможности всем. Этот постулат, кстати, закреплен в Конституции. Получается, что даже в БРСМ понимают, что это всего лишь иллюзии.

Короче говоря, общество попало в ситуацию неопределенности. Например, оно знает, что летом проведут очередную и очень радикальную деноминацию. Наши нынешние зарплатные и пенсионные миллионы обменяют на новые рубли, в карманах появится медная мелочь, о существовании которой многие даже не догадываются. Но никто не знает, что будет с действующим рублем, который неоднократно превращался в прах, в никчемную бумажку. Что будет с новым рублем, который презентуется как весомый, пока его не облегчит очередная инфляция и сопутствующая ей девальвация.

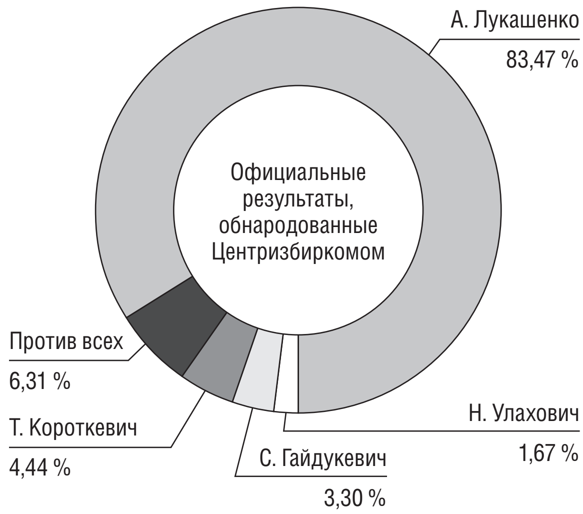
Общество не знает, что будет с фабриками и заводами, с бюджетными и коммерческими учреждениями, с правоохранительными органами, системой здравоохранения, с госбюджетом и бюджетом семьи.

Об этом и многом другом мы не знаем и, возможно, даже не догадываемся. Но можно сказать утвердительно, что все произойдет вовсе не так, как мы предполагаем.

И еще можно сказать, что в обозримом будущем власть в стране изменится. Сохранить ее в таком виде ни у кого не получится.

Кстати, смена власти произойдет не обязательно благодаря новым «демократическим выборам».

Вот типичный пример политической арифметики в подсчете результатов голосования на последних выборах:

Как видим, «научная картина» предпочтений избирателей весьма отличается от официальной.

Почему брошюра по домоводству называется журналом?

Давно занимал вопрос: кто читает непритязательные журналы невысокого ценового сегмента, почему у них большие тиражи?

Оксана ЯНОВСКАЯ

Вот «Добрый сосед» (издатель ООО «Редакция газеты «Магазин кроссвордов») делится тремя способами хранения гирлянд, семью советами по выбору санок и прочими «полезностями». Конечно же, кулинарные рецепты. И обязательная рубрика «Здоровье». В ней нет интервью с врачами или репортажа из поликлиники, но есть давно или недавно размещенные в интернете заметки на медицинскую тему да письма читателей. Или якобы письма читателей.

Вот, например, некто из Добруша утверждает: «Позитивный настрой и сок при раке помогли». Хорошо, что в начале повествования написано «без операции не обошлось», а то ведь бывает, что читатели рассказывают исключительно о «народных

рецептах» лечения. Соглашусь, позитивный настрой при любой болезни помогает, но вот что делать с капустным соком при онкологии в области желудочно-кишечного тракта (а именно такая была у советчика)? Потому как сок этот вызывает, простите, повышенное газообразование.

И что удивляет: реклама медицинских услуг, лекарственных препаратов, как и интервью с врачом, должны перед публикацией пройти ряд согласований, а вот такая, с позволения сказать, медицинская самодеятельность никем не контролируется. Сотни людей читают эти рецепты, применяют их, а потом, когда прижмет по-настоящему, бегут к врачам. Врач хватается за голову, выслушивая про «народные рецепты», лечит запущенный случай. И никто не виноват. Ни пациенты, наплевательски относящиеся к своему здоровью, ни СМИ, распространяющие шарлатанские советы.

Журналов с пропагандой народных докторов и рецептов у нас немеряно.

«Полезные» советы на грани фола

В журнале «Сваты» (издатель ООО «Издательский дом «Толока») когда-то прочитала совет: чтобы золотая цепочка не спуталась, ее нужно вставить в трубочку для коктейля. Как-то наивно подумала, что если есть деньги на золотую цепочку, то и на подходящую шкатулку найдутся. Но нет, в другом номере советовали ювелирные изделия хранить в… контейнерах из-под яиц: все по ячейкам разложено, быстро найдете нужное. Вот просто интересно: кто-нибудь действительно так хранит изделия из драгоценных металлов или хотя бы бижутерию?

В первом в этом году номере журнала «Сваты» мою подругу потряс совет, как делать бусы из теста. «О, боже! — воскликнула она. — Но мы же не в СССР живем! Теперь бус достаточно на любой кошелек. Кто занимается рукоделием, тоже имеет богатый выбор нормальных материалов».

Добил нас рецепт домашней пудры. Мол, измельчите горсть немытой рисовой крупы и вот вам пудра. «Это они нас готовят к жизни в кризис? Нельзя же так унижать человека: пудра из риса, бусы из теста. Надеюсь, до советов, как повторно использовать памперсы не дойдет!» — возмущалась подруга.

«А почему это называется журнал, где здесь что-то новое? — вопрошала она. — Ну, пусть бы это была брошюра по домоводству».

А потому это журнал, что выходит два раза в месяц. Собирает рекламу, имеет тираж и доход. И распродается, судя по всему, иным изданиям на зависть: все эти «Сваты» и «Народные доктора» есть даже в киосках в Вильнюсе, значит, и там есть спрос.

Семейная экспертиза

Рассчитанное на «обычного» человека решила в обычной семье и проверить. Тем более такой случай! Дочка подруги мечтает о профессии журналиста и даже прошла тестирование у психолога: первой подходящей профессией для нее была названа журналистика. За этот выбор я чувствую некоторую ответственность.

Но Вика задается вопросом: вот получу диплом, а будет ли работа? Примеров, когда люди с дипломами гораздо более массовых профессий не могут найти место по специальности, более чем достаточно.

«В государственной газете не хочу работать, но и другая крайность мне тоже не нравится. Я центрист!» — заявляет 15-летняя Вика. И отмечает задумчиво: «Таких изданий, мне кажется, у нас совсем немного».

У нас вообще мало СМИ. Правда, одна из бабушек Вики уверяет, что газет и журналов у нас много, только читать там нечего…

С бабушками мы изучали первый в этом году номер журнала «Я на пенсии». Бабушки Вики когда-то купили такой журнал, потому что «там работает подруга детей», следующие экземпляры покупались, потому что журнал им понравился. Но одна из бабушек перестала покупать издание после смены шеф-редактора: «Ничего там интересного не нахожу. Такие

пенсионерские байки я слышу везде. Меня вот указ о депозитах волнует: смогут ли дети после моей смерти снять некоторую сумму на поминки? А как с апреля будут начисляться проценты на пенсионную карточку? Советы по хозяйству мне не нужны: делаю так, как привыкла, всякие новинки с помощью детей и внуков осваиваю».

Вторая бабушка не столь категорична: «Раньше журнал, конечно, был лучше. Мне нравились рассказы, которые комментировали артисты, интересно же, как мыслят молодые и известные люди. С врачами хорошие были интервью: в поликлинике нет времени на подробные разговоры, а тут пожалуйста. Но я и такой, попроще, журнал покупаю. Нас же пенсионеров считают людьми третьего сорта, а тут уважили специально для нас сделали журнал».

Кстати, тираж журнала «Я на пенсии» с нового года вырос до 17 тысяч.

Мы же с юной Викой купили журнал «Девчонки» (издатель ООО «Редакция газеты «Магазин кроссвордов»). Полистали, немного почитали. Вика сказала, что «вполне»: здесь есть какие-то новости, игры, книги, немного про моду, отношения с одноклассниками.

Правда, нас всех удивил пассаж в журнале для подростков: «Со временем любые отношения остывают. Вы уже давно вместе, романтика уступает место обыденности. Ты знаешь о нем все, а он о тебе. К свиданиям ты уже не готовишься: зачем? Он видел тебя и не накрашенной, и с неопрятным пучком на голове, да и сам он не сильно старается». Викина мама недоумевала: «Это о подростках или супругах со стажем?» Вика дальше этой фразы просто не стала читать.

«Журналы для малышей у нас издают неплохие, во всяком случае есть выбор и можно найти то, что нравится и взрослому, и ребенку. Правда, не довелось увидеть белорусскоязычный. В 10—11 лет Вике нравился журнальчик «Шапокляк», я же смотрела журналы для девочки лет 13—15 и тоже ужасалась их содержанию. Надеялась, что к тому времени, когда моя дочь станет подростком, что-то изменится в лучшую сторону. Увы», — резюмировала Викина мама, моя подруга.

Мы листаем издание «Женская газета плюс» (Издательский дом «Мегаполис-пресс»). Из 28 страниц 12 занимает графическая новелла — рисунки, сопровождаемые двумя-тремя предложениями. Идея, пожалуй, хорошая, но 12 страниц — перебор, да и сюжет банальный. Пять страниц — иностранный детектив, который я уже где-то когда-то читала. Ну и, конечно, мистика, приметы и кроссворды с анекдотами.

В массе купленных нами изданий нет «живых» материалов, все содержание собирается из интернета или перетасовываются выпуски прошлых лет. Все это могут сделать один-два человека и для этого, в принципе, не нужно учиться на журфаке — приходит к реалистичному выводу Вика.

Если трактористы становятся журналистами

В общем, в «проинспектированных» печатных СМИ Вика не нашла себе условной работы. Зашли на сайты телеканалов: там в разделе вакансий грустно. А потом открыли украинский сайт с аналогичными вакансиями — их море! И в печатные СМИ нужны люди, и на телевидение сценаристы, редакторы в многочисленные ТВ-шоу. И вот что смущает: у нас ведь тоже, пусть меньше, но проводятся шоу, делаются пилотные программы, которые попадают на экран или нет. Но, заглядывая на сайты телеканалов, ни разу не видела подобных

вакансий — у нас они как-то без лишней огласки заполняются.

Викиному дяде и по совместительству крестному вообще не нравится идея о журфаке: «Вик, ты посмотри, что творится. Вот я зашел на сайт, смотрю: вакансия журналиста. Что пишут: образование «хоть тракторист». Профессия совсем обесценилась, теперь каждый называет себя журналистом, написав в социальных сетях, что приготовил на завтрак!»

Моя подруга считает, что такие «профессионалы» и «простонародные» издания существуют для того, чтобы «человек притуплялся и приземлялся». Конечно, почитаешь naviny.by, «Свободные новости плюс» да и «СБ. Беларусь сегодня», так о чем-то да задумаешься, вот хотя бы о завышенных ценах при приватизации жилья. А тут журнальчик советует слепить бусы из теста, смотришь, занят делом, думать некогда.

На подобную позицию, судя по тиражам, есть спрос: «Девчонки» — 30 060 экземпляров, «Добрый сосед» — 53 510, «Сваты» — 75 200, «Женская газета плюс» — 15 710 экземпляров.

Стоит отметить, что российские издания подобного ценового сегмента по качеству контента, верстки выглядят привлекательнее белорусских, да и «идиотских советов» там почти нет, все как-то пограмотнее и без «народного творчества».

Личный опыт: попроще не могу

В одном из номеров «Абажура» прочла великолепную публикацию Марины Беляцкой о нашей непростой профессии. И среди прочего в ней было наблюдение о том, что чем проще издание, тем выше гонорар и никакой головной боли!

Наблюдение мне приглянулось и появилось желание поработать в издании «попроще». А в начале 2013 года и случай подвернулся. Коллега порекомендовала в ООО «Редакция газеты «Шапокляк» шеф-редактором журнала «Я на пенсии». Признаюсь, сразу согласилась: да, понравилась зарплата, белорусская мова директора, известного художника-карикатуриста Анатолия Гармазы. Мова, не заученная в вузе или потому что модно, а по-настоящему родная для человека.

Делаю я один номер журнала, второй, говорят, мол, испытательный срок прошла, берем на работу. Отлично. Снова делаю журналы так, как я свою ответственность за это понимаю: минимум «народного творчества», рубрики новые, типа «Финансовая грамотность», журналистов на внештатной основе прибавилось. Письма читателей о том, как «керосином вылечить рак», признаюсь, рвала на мелкие клочки и отправляла в мусорку.

И как-то летом назначили совещание. Сказано мне было вот так: в Доме печати вам выписали бы премию за этот журнал — слишком профессионально, а нам нужно попроще, для народа. По сей день не знаю: меня хвалили или ругали.

Но «попроще» у меня не получалось. Наоборот, появились экономисты, которые рассказывали читателям о депозитах, курсообразовании и прочем, чем народ вынужден интересоваться. Тут, конечно, я нарушила главное правило такого рода изданий: ни слова о политике, а экономика, как известно, «самая главная политика».

Когда я пришла в журнал, его тираж был 26 000 экземпляров. Своим «слишком профессионально» довела тираж до 19 000. Весной прошлого года мы с издателем расстались. Причина: журнал не стал народным, он только для интеллигенции, а сколько ее есть?

Ближе к осени полистала журнал, заглянула на последнюю страницу тираж 12 000. Очевидно, часть «моих» читателей откололась.

Но новые, «из народа», наверняка на подходе. В осеннем номере я увидела рассказ читателя, на конверте которого когда-то написала: это уже было опубликовано. Рассказ по всем критериям был женский, но подписан мужчиной. Магическая фраза, что редакция выплачивает гонорары за опубликованные письма читателей, делает свое дело. Среди читателей, безусловно, есть люди, способные написать толковый материал на заданную тему, но гораздо больше графоманов, исписывающих целые ученические тетради.

По моим представлениям, если в одном номере журнала три (!) публикации за подписью одного читателя, это кризис (январский номер этого года). Но я совершенно не удивлюсь, если именно такой подход «сделает тираж». В общем, в мае опять куплю журнал, попытаюсь понять феномен изданий «для народа».

К слову, никого не хочу обидеть и ничуть не жалею, что работала в том журнале: приобрела опыт, который, правда, скорее всего, больше никогда не пригодится. И да, это было замечательное время: хорошая и всегда вовремя выплаченная зарплата, всякие «плюшки», комфортный офис, свободный график. Люди, кстати, тоже хорошие. Просто мы разные.

В Минске показали фильм «Линия Сталина на детской ладони». Название авторы считают удачным, но у зрителей были и противоположные мнения: словосочетание «линия Сталина» уводит в сторону, ибо слишком повествовательное. Спокойное. А тема такая, что уже заранее готовишься к ненависти. Но оказалось, ненависти в фильме нет. Есть пронзительная жалость, стыд, возмущение, бессилие, недоумение и вопросы.

Страшное кино про детей

После показа включили свет и в зале повисла тишина. Принято аплодировать авторам. Но сразу никто не захлопал. Секунд 10 длилась пауза. Казалось, слишком долго. Аплодисменты не вязались с темой: ***дети-заключенные времен сталинских репрессий.*** *Ужас.*

Фильм пересказывать — неблагодарное дело. Ну, как его расскажешь — документальное кино, состоящее из хроники, фотодокументов и воспоминаний нынешних стариков, которые тогда, в 1930—50-х, прошли через систему государственной «опеки» и ГУЛАГа как дети «врагов народа»? С детьми там делали все что хотели — и товарищи по несчастью (кто был сильнее и старше), и «воспитатели». Нам, живущим сейчас, очень трудно понять, как годовалые, двух-, пяти-, десяти-, 12-летние смогли тогда выжить. Впрочем, многие умирали. Их никто толком не считал. Фильм, в общем, о том, как это все было. Только факты.

«Абажур» выяснил, почему Галина Самойлова (Хващевская) сняла кино на такую страшную тему.

Марина БЕЛЯЦКАЯ

— Галина, лагерная тема в свое время была очень популярна: о ГУЛАГе говорили, писали, снимали, дискутировали... И до того много, что иногда, наткнувшись на жуткие кадры в телевизоре, хотелось от этого уйти. Почему вы взялись за эту тему, сделав ее еще и «детской»?

— Именно потому, что взрослая так часто поднималась. Говорили, писали, но никто не сделал серьезного анализа: а дети? Что было и стало с детьми репрессированных? У нас же всегда так во взрослой жизни: мы заняты «большими» делами, а дети где-то присутствуют, подразумеваются, они были как бы частью того общего. Но как это выглядело конкретно, никто так ни разу не сказал. Ни у нас, ни в России я не заметила каких-то больших работ на эту тему.

— Многие думают, что детей репрессированных оставляли бабушкам, тетям-дядям или что они были на поселении и жили вместе с другими сиротами в интернатах, где из них лепили «полноценных членов общества». Но в своем фильме вы рассказали такое, что у современного человека в голове не укладывается.

— Это надо было показать срочно еще и потому, что уже почти не осталось живых свидетелей, то есть детей того времени. Сейчас им всем за восемьдесят, они быстро уходят из жизни, надо было дать им возможность рассказать.

Есть много письменных воспоминаний в России, там же есть и общественные организации (например, «Возвращение»), которые собирают документы и доказательства. А в Беларуси эта тема полностью отсутствует, несмотря на то что есть люди, готовые все рассказать и передать документы.

У героини фильма Янины Маргеловой сохранилась переписка с мамой. Ее отца, работавшего в Академии наук БССР, забрали в 1937-м прямо из зала заседаний. Маму как жену «врага» отправили в лагерь, дочек разделили: одну — в детдом в Украине, а другую, Янину, — в детскую колонию. Они так мечтали о встрече, но так и не смогли потом, когда их мать освободилась, наладить отношения. Она после отсидки осталась в Казахстане. Смотрите: связь никогда не теряли, но разлука длилась слишком долго, чтобы был счастливый конец в их искалеченной семейной истории. Дочери поехали к ней в Казахстан… Вы представляете, какой они увидели мать?

— Стали стесняться?

— Не то чтобы стесняться… Забирали детей маленькими, многие не запоминали лица родных, не знали своих фамилий. А те, кто не забыл, помнили маму — молодую, красивую! А увидели практически незнакомую, измученную тяжелым трудом зэчку, без зубов, нервную, да еще представьте: ей не разрешают жить в городе — надо уехать за 101-й километр… Родственники потрясены. Мать рассказывает, что с ней происходило, а ей не верят! Соседи говорят: да не может такого быть!

— Неужели репрессированных не принимали даже их семьи?

— Нет, герои фильма рассказывали, что семьи их не отталкивали, даже несмотря на то что пугала молва (надо знать, какое было время: окружающие, мягко говоря, чурались). Но нужно было терпение, время. А некоторые документы подтверждают: были случаи, когда матери, все понимая, сами писали отказные от детей. Они думали: зачем чтобы их детей терроризировали, унижали и говорили: «У этой мать сидела!». Но многие матери, как мама героини фильма Майи Кляшторной, после отсидки, преодолев невероятные препятствия, находили своих детей и увозили в Сибирь. Янина Маргелова все это тоже пережила. Целая трагедия в переписке, которую она столько лет хранила! А теперь эта женщина потихоньку сжигает, уничтожает свое прошлое: письма, документы. Потому что она в возрасте уже, у нее не осталось близких, ей некуда это все деть. Она не хочет, чтобы после ее ухода все попало в случайные руки. Это слишком личное: фотографии, письма матери,

какие-то вещи… Я уговаривала, просила: пожалуйста, не уничтожайте, подождите — мы найдем, куда пристроить, чтобы сохранить эту память и свидетельства.

— А разве архивы этим не интересуются?

— Она не пыталась предлагать. Надо понимать психологию таких людей. Женщина уже даже не выходит на улицу. У нее были контакты только с несколькими журналистами, еще известный исследователь Моряков был у нее. Кто-то что-то брал для своей статьи. Душа человека, как и многое остальное, никого не заинтересовала. Маргелова говорить на эту тему уже не хочет: уверена, что ее история никому не нужна, и настроение у нее подавленное.

— Материал для фильма собирали не только в Беларуси?

— У нас очень мало исследований на эту тему в открытом доступе. И единицы историков, которые соглашаются об этом говорить на телекамеру. Свидетели у нас — из Беларуси, а остальной материал мы брали в Вильнюсе (там эту тему отслеживают на государственном уровне) и в Москве, где меня поразил совсем не свойственный нашей стране скрупулезный подход к подобному наследию! Общественные организации (которые все время под угрозой закрытия) собирают материалы по крупицам, чтобы потом никто не высказывал предположений, могло такое быть или нет. Они хранят массу объективных свидетельств, и потому говорят только о том, как это на самом деле было. И опираются только на реальные документы.

Я разговаривала на эту тему и с героиней фильма Зинаидой Тарасевич: она написала свои вспоминания и даже книжечку издала. На это у нее энергии хватило. Но это ее личная инициатива. Идти куда-то со своим личным такие люди не привыкли. У них совсем другое мышление: они не могут разобраться в современном сумбурном пространстве. Все их пространство — это они сами: их мысли и переживания.

— Как они воспринимают пережитые в прошлом страдания и нынешнее к ним равнодушие? После просмотра фильма кто-то из зрителей сказал, что фильм ваш получился без ненависти, не хватило эмоций. А от героинь не исходило негатива. Это ваша позиция как режиссера?

— Первоначальная авторская режиссерская подача материала была очень жесткой. Были заложены прямые параллели гулаговских и нацистских лагерей. Но после разговоров со свидетелями, когда они так просто говорили о совершенно чудовищных вещах без ненависти и злобы, пришло понимание, что истинные масштабы этой трагедии лежат намного глубже, чем просто жесткая ненависть. Это трудно определить словами. Я попыталась в фильме передать это другими средствами.

— Как вышли на эту тему?

— Материал собирался долго, не всегда специально: были у меня фрагменты, не вошедшие в другие работы. Я снимала о Куропатах. А когда возникла идея сделать фильм по этой теме о Марате Кравцове из Бреста, журналист Евгений Беласин вышел на нашу группу. Но я поняла, что рассказать про судьбу одного человека недостаточно — мы отсекли бы целый пласт этой огромной трагедии. Сколько бы всего осталось за кадром! Я приняла решение сделать историю Кравцова отдельным сюжетом, а в фильме затронуть жизнь поколений с 1930-х по 1953 год. Хотелось показать, что это была четко организованная беспощадная система, а не случайно «кем-то и где-то» придуманное. Очень важно, чтобы люди понимали: массовые репрессии существовали не только в конце 30-х, они не прекращались и продолжались в период Второй мировой войны и после — вплоть до середины 50-х годов. Чтобы зацепить душу зрителя фактами, нужно было больше людей опросить, нужно было обобщение.

— Лично у меня это обобщение вызвало шок.

— По поводу шока скажу: когда перелопатишь огромное количество материала и начинаешь реально понимать, через что проходили эти дети, становится действительно жутко. Но это обязательно нужно всем знать! В фильме, к примеру, промелькнула фотография 13-летнего мальчика. Его расстреляли в 1937 году за то, что он, чтобы не умереть от голода, украл две буханки хлеба. История мальчика не вошла в фильм, но лицо осталось в одной из перебивок: ребенок в фас и профиль, видно, что он в шинели солдатской. Как же он смотрит с той казенной фотографии! Столько достоинства человеческого перед всей этой системой. А ему всего 13 лет!

Майя Кляшторная

Зинаида Тарасевич

Янина Маргелова

— А почему на фото он в шинели?

— Это еще один ужасный штрих. В архивных документах часто можно встретить такие снимки: дети и взрослые «фас-профиль» в одежке с чужого плеча. Минчанке Марии Страусовой отдали из КГБ фото ее мамы в такой же шинели. Оказалось, когда их долго водили на допросы (детей тоже водили на допросы!), одежда превращалась в лохмотья. Поэтому для фотографий была одна какая-то дежурная «шмотка», которую набрасывали на плечи человека только для того, чтобы его сфотографировать. Накинули, сфотографировали, забрали шинель — следующий… Эти штрихи, детали, разные детские истории нужно продолжать собирать. У меня столько всего осталось за кадром: даже в часовой фильм не удалось вместить все, о чем хотелось рассказать! Может, когда-нибудь я к этому вернусь. Надо продолжать говорить, вытаскивать тему из латентного состояния.

— После просмотра вы сказали, что некоторые факты не смогли вставить в фильм, так как они «настолько ужасны», что страшно было бы иллюстрировать… Что вы имели в виду?

— Есть свидетельства, что, к примеру, существовало «мамочкино кладбище» в Карлаге… На самом деле, тяжело даже говорить, что там творилось! Боже мой, дети умирали десятками, их хоронили, как котят! Зимой, когда земля была мерзлая, их клали в ящики, бочки, и эти замерзшие трупики так и лежали там до весны. А когда земля оттаивала, их просто бросали в яму, как мусор! Здесь есть еще один момент: ведь эти дети… они же были домашними! Они — маленькие, и с ними не было у начальства спецучреждений никаких проблем. Ужас в том, что никто из таких детей обычно не сопротивлялся. Был короткий период паники, когда их оторвали от мамки: они не соображали, что происходит — слезы и прочее. Но очень скоро они понимали, что той, прежней, жизни уже нет. Они принимали страшную реальность и начинали рассматривать себя в ней: просто у них такая жизнь. Они могли вспомнить мам и пап, но НИКОГДА прежнюю жизнь. Кроме того, в детском доме они были еще слишком малы. Не могли анализировать, что с ними творят и почему это происходит. Понимание приходило, когда подрастали. Тот мальчик в шинели был постарше, он не выдержал, и его сразу расстреляли. Простое решение проблем!

— Мы помним тот период по фильмам «Тимур и его команда», «Подкидыш» — гимны счастливому советскому детству. Они же не могли совсем не помнить предыдущую жизнь?

— Нет! Об этом никто из тех, с кем мы беседовали, не вспоминал. Они говорили, что воспринимали только то, что было рядом. У некоторых были письма от репрессированных родителей (если те были живы). Но даже семья быстро отходила на

второй план. Чудовищность ситуации была в том, что все прежнее отмирало: реальное существование накрывало их сознание полностью.

— Галина, а те дети, которых не забрали по какой-то причине. К примеру, арестовали только отца. Как они жили?

— И это было ужасным испытанием. Ты пришел в школу, а от тебя отворачиваются — «враг народа»! Есть свидетельства, что даже более маленьких общество отвергало: одну девочку забросали камнями мальчишки-«пролетарии». Она стояла, прижавшись к забору, а в нее летели камни. Она же была изгоем! Это тема для отдельного кино. Советское общество их отвергало настолько, что сознание этих людей было в страшном тумане: они понимали, что их прежняя жизнь осталась за какой-то невидимой гранью. Они ведь лишались всего: и права на высшее образование, и на определенный перечень профессий, и возможности жить в больших городах. Эхо репрессий преследовало их всю сознательную жизнь.

Один человек рассказывал: так страшно было после возвращения жить в своем городе, что не выдержал и уехал назад в Магадан! Они так боялись реакции окружающих, доносов и повторного ареста, что предпочитали спрятаться на Севере. Там было безопасней. Я, когда начинала работу над фильмом, не понимала, насколько это большая тема! Я сделала попытку систематизировать, дать слово живым свидетелям, которые говорят в кадре: это правда, так было со мной, с моей мамой, вот наши письма, да, мы так жили.

Некоторые лагерные дети вкалывали наравне со взрослыми: в Норильлаге уже с 8 лет работали кольцевыми, обходя с почтой до 50 км в день даже зимой. С 11 или 12 лет трудились на лесоповале. Выжить в таких условиях и вернуться к нормальной жизни, сохранив моральное и физическое здоровье, было невероятной удачей и подвигом.

— Ваш фильм — документ? На него можно опираться исследователям?

— Не в чистом виде, но могу поручиться, что там нет ни одного слова вымысла, подтасовки или чего-то в таком роде. Я хорошо знаю существующую хронику того времени, ее немного. Кстати, часто вижу такие компиляции — из других лет. Но у нас даже реконструкция максимально приближенно снята. Это иллюстрация существующих писем и воспоминаний. Чтобы воссоздать момент, когда детей забирали от родителей, я взяла своих внуков и мы поехали в Вильнюсский музей геноцида. Он находится в здании бывшей тюрьмы КГБ. Наши маленькие дети в присутствии пап и мам сразу начинали плакать, хотя никто их не пугал. Что же происходило в этих стенах с реальными узниками, с детьми?!

Мы нашли старые одеяла, чтобы воссоздать ту обстановку, тумбочку какую-то, а директор музея, который сыграл в реконструкции энкавэдэшника, все это сразу отверг: «Галина, какие кровати?! Это все уже значительно позже появилось! Людей просто запихивали в пустые камеры: они стояли и сидели на полу!»

— Я читала, что условия содержания детей начали регламентировать после 1940 года. Но там шла речь не про одеяла, а о том, чтобы не содержать детей вместе с уголовниками, чтобы совсем маленьких не заставляли работать больше 4 часов в день. Не менее шокирующее — чтобы определить 12 лет как возраст, когда можно ребенка расстрелять. И такие законы соблюдались?

— Жизнь детей «регламентировали» только законы зоны. Герой фильма Владимир Романовский сказал очень важную вещь: пока страна строила коммунизм и все это отражалось в позитивном советском кино типа «Кубанских казаков», в зоне выросло целое поколение людей, часть которых была сломлена, уничтожена морально. А более значительная часть пополнила ряды преступников. Это был отдельный, порожденный репрессивной системой мир. Мы, кстати, до сих пор это чувствуем, ведь страна была покрыта сетью лагерей! В лагерях вырастало поколение за поколением. Вы только подумайте, из каких условий забирали детей и в какие погружали?! Они с малолетства жили за колючей проволокой. Какими они могли вырасти? Надо признать, что в те годы — а это более 20 лет! — существовало государство в государстве. И в этом государстве (на зоне) все было другое: мораль, идеология, авторитеты, цели. Человеческая жизнь не стоила ничего!

Дети «врагов народа» из сиротского приюта ОГПУ.
Вместо имен, отчеств и фамилий — номера

Я вот думаю: столько смертей, столько горя — это не могло уйти «в песок», в никуда. Неупокоенные души по-прежнему с нами. Это еще как отражается на нашей жизни! И на той же России. Ну, куда эта энергия — духовная, ментальная, энергия незаслуженных человеческих страданий — могла уйти? Когда человек терпит несправедливость и страдает, а потом умирает, я верю: это огромный энергетический выброс. Куда?

Я считаю, что из-за преступного замалчивания многих исторических моментов общечеловеческая мораль и нравственность если еще окончательно не утрачены нами, живущими на этой территории, то основательно разъедены. Ведь мы уже живем во времени, когда даже неопровержимые факты воспринимаются далеко неоднозначно. Даже такие факты, как издевательство над детьми репрессированных, и те не считаются в Беларуси основанием для официального покаяния и признания на государственном уровне.

— Но ваши герои рассказывают, что и в середине прошлого века многие отказывались принимать эти факты. Несмотря на то что жертвы страшных преступлений — вот они, живут совсем рядом.

— Тогда просто не верили. Это вообще самое опасное. Невероятно, но эти две жизни некогда огромной страны («кубанские казаки» и кровавые реки в НКВД) шли параллельно. Страшные вещи происходили на фоне оптимизма в кинолентах тех лет, на фоне «нормальной» жизни тех, кого обошла эта участь. Но суть-то в том, что в той, счастливой половине страны, где не было зоны, люди не были застрахованы от расправы! Суть в том, что это могло случиться с каждым в любой момент! Например, не хватает рабочих рук на лесоповалах — придут и заберут людей столько, сколько надо.

Вспомните голодомор — более 6 миллионов людей погибло в 1930-е годы по всему СССР. По словам российского правозащитника Арсения Рагинского (и я с ним согласна), советское правительство не имело цели уморить голодом такое количество граждан. У партийной элиты были совсем другие задачи. Россия была аграрной страной, а в СССР сделали ставку на индустриализацию. Надо было покупать технику за границей — столько вокруг всего строилось! А платить «буржуям» могли только золотом или зерном. Правительство просто взяло и изъяло хлеб для этих целей. А что там было с людьми, их не интересовало. Коммунистическое руководство, «не замечая» страданий людей, решало «большие государственные задачи» — вот что страшно!

Трудно себе представить: десятки миллионов были осуждены до войны только по административным делам. Это те, кто прошел через суды. 4,5 миллиона из них оказались в концлагерях — это только за дисциплинарные нарушения, такие, например, как «опоздание на работу». Если все подсчитать — около 40 миллионов! Это были не уголовники, это были простые граждане, которые прошли через «красную» мясорубку. И на долгие годы превратились в бесплатную рабсилу… Когда я слушала героев фильма (некоторые из них совершенно одиноки), пришла к выводу, что наша жизнь обретет смысл только тогда, когда старики будут уходить достойно и спокойно, а маленькие дети будут счастливы в своем детстве. Тогда и представители промежуточного поколения

Дети, оказавшиеся «под присмотром государства», делились на категории:

1) лагерные (рожденные в заключении);

2) кулацкие (крестьянские дети, которым удалось ускользнуть от высылки, но которых позже поймали и направили в лагеря);

3) дети врагов народа (те, чьи родители были арестованы по 58-й статье). В 1936—1938 гг. дети старше 12 лет осуждались Особым совещанием по формулировке «член семьи изменника родины» и направлялись в лагеря. Как правило, на срок от 3 до 8 лет; в 1947—1949 гг. детей «врагов народа» наказывали строже — на 10—25 лет;

4) испанские дети. Они чаще всего оказывались в детских домах. В ходе чистки 1947—1949 гг. их, уже подросших, сослали в лагеря на срок 10—15 лет — за «антисоветскую агитацию».

смогут надеяться на то, что они живут правильно. К сожалению, мало времени, чтобы в фильме все это охватить: приходилось раскладывать материал по степени важности и сокращать, сокращать… Отбор очень болезненный, потому что видеоряд был часов на 17 — это только одних воспоминаний. Многое другое, к сожалению, тоже не вошло.

О том, что именно не вошло, мы говорили уже после интервью.

Не вошло — о самом страшном — деталях: как именно «воспитывали» под опекой государства вырванных из семей вполне благополучных ранее ребят. Чтобы поведать эти подробности, нужен еще не один фильм. Но как все это в кино показать? Это был бы сплошной жесткий неприкрытый натурализм.

К примеру, пришлось бы говорить о сексуальном насилии, о запущенных венерических заболеваниях у мальчиков и девочек, о том, каким хирургическим операциям они подвергались в колониях, чтобы выжить после запущенного сифилиса. Или это мог бы быть фильм о том, чему учились малыши у тех, с кем жили бок о бок. Первые четыре года репрессий детей содержали в лагерях вместе со взрослыми рецидивистами. 10-летние умудрялись убегать в поисках пищи, практикуясь в краже, а при случае — в грабеже и убийствах. Им нужно было как-то выживать. «З/к малолетки» (так они назывались в официальных бумагах) часто сбивались в стаи: коллективно нападали на других заключенных.

Были колонии, где мальчиков и девочек содержали вместе — со всеми вытекающими последствиями. Там тоже были все в кучу: и домашние дети, и малолетние преступники (воры, убийцы), и дети-проститутки обоих полов.

Или вот еще было бы кино: о санитарах и банщиках. На этих должностях даже у девочек были только мужчины — они глумились над детьми с особым цинизмом: по долгу службы.

Только по официальным данным, в 1940 г. ГУЛАГ объединял 53 лагеря с многочисленными лагерными отделениями и пунктами, 425 колоний, 50 колоний для несовершеннолетних, 90 «домов младенца».

Истинные цифры неизвестны.

Послесловие «от себя»

Как-то не хочется все это сваливать на одного лишь Иосифа Сталина. Страшная линия судьбы на ладонях детей была прочерчена не только вождем. Ведь никто не заставлял взрослых превращать детские судьбы в ад. Если отойти от темы и вспомнить, к примеру, фашистов: они жгли деревни в годы войны. С людьми. И тем не менее в затерянной в глуши Налибокской пущи деревеньке Деражное Столбцовского района немцы сказали жителям: «Выметайтесь из домов с пожитками, выносите все, что можете. Будем поджигать, чтобы партизаны у вас не кормились! У нас приказ». Жители собрали все, включая мебель, отнесли подальше и ждали, когда приказ будет выполнен. А потом вернулись на пепелища и окопались рядом в землянках, вновь отстраивая на старых фундаментах свои дома. И все остались живы. Один из тех фашистов дал девчонке, которая сегодня уже баба Стася (это она мне рассказывала), шоколадку. Стася, пока не подросла, о других фашистах и не подозревала. А этих она не боялась!

Я не к тому, что отдельные фашисты вдруг стали для меня «хорошими». А к тому, что всегда есть генеральная линия и есть конкретные исполнители. Не Сталин же более 22 000 детей (только в 1937—1938 гг.) лично бил, насиловал, морил голодом, расстреливал. Весь этот кошмар создали и культивировали «труженики» системы. Они спокойно жили среди других людей. Их потомки и сейчас живут среди нас. Их больше, чем тех, кто остался в живых после сталинских репрессий, потому что вкусно ели и сладко спали. Может, потомки и не знают, чем их дедушки-бабушки занимались? Возможно, и знают, но имеют по отношению к своим предкам какое-то оправдание. Однако весь ужас заключается в том, что оправдания-то нет: совершенно ясно, что многие «труженики» сталинских концлагерей сами стремились мучить несчастных. Иначе они бы не смогли с этим дальше жить!

Руководитель российской общественной организации «Возвращение» Семен Виленский произнес в фильме фразу: «Пытаться восстановить историю — это… как узнать, что твой близкий родственник оказался серийным убийцей».

Было бы полезно показать фильм Галины Самойловой работникам современных спецслужб. Без всяких намеков, просто чтобы знали.

Высоцкий прописался

Здесь прошел посвященный ему I Международный бард-форум «Полоса нейтральная»

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города,
Будь то Минск, будь то Брест...
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста
От родных тополей
Нас суровые манят места,
Будто там веселей...
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей,
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей,
Будто с нами беда,
Будто с ними теплей...

Как бы ни было нам
Хорошо иногда,
Возвращаемся мы по домам.
Где же наша звезда?
Может — здесь, может — там...

Владимир Высоцкий

Может ли региональная газета выполнять миссию не только источника информации, но и промоутера культуры и народной дипломатии? Да, может. Если находит достойных партнеров для реализации своих идей и проектов.

У себя в Бресте мы убедились в этом, когда в минувшем году подготовили и провели серию фотовыставок, издали ряд книг историко-литературного содержания, а главное — осуществили проекты, имевшие большой общественный резонанс. Так, в мае 2015 г. в рамках проекта «Брест объединяет» редакция «Брестского курьера» провела уникальный пресс-тур по европейским городам и населенным пунктам с названием Брест (всего мы обнаружили 13). А в начале ноября «БК» организовал приезд в Брест мировой знаменитости – польского кинорежиссера Ежи Хоффмана, номинанта премии «Оскар», автора исторической кинотрилогии по романам Г. Сенкевича, а также популярнейшего фильма «Знахарь». В кинотеатре «Беларусь» прошла его встреча со зрителями и показ голливудской ремастеринг-версии фильма «Потоп». В конце года «Брестский курьер» провел в городе над Бугом I Международный бард-форум им. В. Высоцкого «Полоса нейтральная». Этот фестивальный проект в итоге приобрел национальное звучание, а известность о нем вышла далеко за пределы Беларуси. Про это стоит рассказать подробнее. Остановиться, оглянуться…

Ровно год назад в вечерних сумерках мы пробирались по польской автостраде сквозь густой туман. За рулем была Ирина Шепелевич, наш фотокор. Она классно водит машину, но эта долгая дорога далась ей нелегко. Слава Богу, самое начало пути скрасили нам песни Владимира Высоцкого. Шел прямой эфир «Радио Кошалин», транслировался гала-концерт, завершавший фестиваль «Pasje według świętego Włodzimierza» («Страсти по святому Владимиру»).

Удивительно, но факт: сравнительно небольшой город Кошалин (втрое меньше Бреста), расположенный на северо-западе Польши,

в Бресте

на балтийском побережье, уже тринадцать лет является местом притяжения истинных ценителей творчества Владимира Высоцкого. Ежегодно лучшие исполнители его песен, переводчики, писатели, кинодокументалисты, исследователи съезжаются сюда на международный фестиваль документальных фильмов. Конкурсный показ лент сопровождается концертами, презентациями книг, неформальным общением участников феста. В этот раз сюда прибыли представители 18 стран, которых пригласила Марлена Зимна, доктор филологии, человек высочайшей культуры, руководитель института и музея Владимира Высоцкого в Кошалине.

Оттуда мы и ехали по туманной трассе, приобретя новых друзей — проводников творчества Владимира Высоцкого во Франции, Иордании, Албании, Японии, США, Израиле и других странах мира. В пути говорили о том, что «Брестский курьер», 25 лет имеющий своим девизом строку барда «Ничего, распогодится…», неоднократно писал о творчестве и судьбе Владимира Высоцкого, а также об истории его предков по дедовской линии, которые родились и жили в городе над Бугом. На фестиваль в Кошалине мы привезли неизвестные ранее высоцковедам фотографии, запечатлевшие Владимира Высоцкого и Марину Влади в Бресте с пограничниками и таможенниками.

Подумалось, почему бы нам не организовать свой фестиваль памяти барда? Что для этого нужно? Команда единомышленников. Надежные и солидные партнеры. Достойные ресурсы. Брест уже имеет два раскрученных культурных брэнда — международные фестивали «Белая Вежа» (театральный) и «Январские музыкальные вечера» (классической музыки). Что мешает добавить третий брэнд – бардовский фест имени Высоцкого?

С этой идеей, возвратившись в родные пенаты, мы и пришли к мэру Бреста Александру Рогачуку. Убеждать его в привлекательности и полезности проекта долго не пришлось. «Я не фанат Высоцкого, — сказал он. — Но идея мне нравится. Готовьте фестиваль, поможем его провести, подыщем спонсора». Вероятно, сработало то, что Брест в 2015 году получил статус культурной столицы Беларуси и новые творческие инициативы были нужны городу…

Так в партнерском содружестве горисполкома и газеты был дан старт благой идее. Арт-директором фестиваля мы предложили стать известному брестскому барду и работнику театра Тарасу Юркевичу, имеющему опыт проведения концертов авторской песни. Закипела-забурлила кухня подготовки фестиваля. Впрочем, поскольку на фестивали в республике существует «лимит», мы придумали для него другое определение и в целом проект назвали I Международным бард-форумом им. В. Высоцкого «Полоса нейтральная».

Затем произошло совершенно неожиданное для нас, прямо по словам песни ВВ: «Ширится, растет заболевание…». К проекту подключилась брестская гостиница «Буг», где когда-то дважды останавливался Высоцкий. Ее руководство во главе с Андреем Рейзвихом решило создать мемориальную комнату и музей ВВ, отражающий связи артиста

«Брестский курьер» нашел фото Высоцкого с брестчанами

с Беларусью и родственные корни. Отличный маркетинговый ход! И ведь все успели сделать к бард-форуму, проведя колоссальную работу по ремонту помещений, сбору и оформлению экспозиции, оснащению комнаты и музея техническими средствами. Кстати, в формировании стендов и коллекции экспонатов активно участвовали высоцковеды Минска, которых мы находили для участия в бард-форуме.

И вот после довольно непростой эпопеи подготовки 27 ноября 2015 года первенец вышел в свет. Отмечу только, что к старту этого масштабного мероприятия газетой «Брестский курьер» была заранее подготовлена и издана книга «Транзит через Буг», в которую вошли эксклюзивные материалы и исследования по теме Высоцкого авторов из Беларуси, Польши, Израиля. Ирина Шепелевич, фотожурналист «БК, создала логотип брестского бард-форума для рекламной продукции и активно занималась работой по ее созданию и изготовлению, вместе с тем решая и другие организационные задачи.

На международный форум по нашему приглашению прибыли именитые барды, а также исследователи творчества Высоцкого из Беларуси, России, Грузии, Израиля. В течение трех дней на ряде площадок проводились мероприятия. В Брестской городской библиотеке им. А. С. Пушкина прошла научно-практическая конференция «В. Высоцкий и Беларусь». Особый интерес вызвали выступления гостей из Израиля Алекса Свердлина и Лиона Наделя, представившего привезенное им в дар Бресту двухметровое полотно с генеалогическим древом рода Владимира Высоцкого. В областной филармонии порадовал публику бардовский концерт «Ничего, распогодится». В Общественно-культурном центре состоялся первый тур конкурсной программы для молодых исполнителей авторской песни. Кстати, на этот конкурс сверх ожидания было подано 49 заявок со всей Беларуси. Председателем жюри стал Виктор Мишуров (Израиль), лауреат Грушинского фестиваля. Там же, в центре, прошли и творческие мастерские для конкурсантов.

Главным событием проекта стал большой гала-концерт. Его стилистика была продиктована темой Высоцкого. Безо всяких вступительных слов зазвучали его песни. Барды из разных стран появлялись в конусах света один за другим, исполняя песни великого автора, знакомые всем нам, но как бы прочитанные заново и пропущенные через сердца и души исполнителей. Композиции звучали на фоне экрана, на котором менялись фотографии Высоцкого. Заполненный зал, затаенно замерев, слушал эту светлую, золотоносную реку песен.

Затем в концерте созвездие замечательных бардов радовало слушателей разнообразием талантов. Знатокам жанра хорошо известны имена россиян Вячеслава Ковалева, Вадима Зубова, Александра Макаренкова, Владимира и Светланы Цывкиных,

Акакий Гачечиладзе

Виктор Мишуров

белорусских бардов Дмитрия Бартосика, Игоря Перелыгина, Светланы Пышненко и Инны Шабельной, Сергея Антонова и Вадима Мезецкого, Алексея Нежевца, Ольги Головни и Сергея Ильюшенко, Татьяны Шубзды, Ольги и Игоря Подчиненковых. Публика горячо приняла выступление Акакия Гачечиладзе, прибывшего из Тбилиси. Кстати, он также хорошо известен в Европе как художник. Песни Высоцкого он исполнил и на русском, и на грузинском языках, пел также свои собственные произведения. Повысил температуру зала и наш экс-брестчанин Виктор Мишуров, ныне живущий в Израиле. Когда-то он вел в Бресте клуб авторской песни «Понедельник». Кроме того, в первые годы «Брестского курьера» работал у нас репортером криминальной хроники. И здесь, в родном городе, пребывал явно в драйве. Порадовали выступлениями брестчане Андрей Янушкевич и Тарас Юркевич. А ярким финальным аккордом прозвучала в общем исполнении бардов песня Высоцкого «Полоса нейтральная», ставшая девизом фестиваля.

Вечером в Городском доме культуры прошла традиционная для бардовских фестов «Чайхана» под названием «Барды шутят». Веселый дружеский круг пел, читал стихи, общался в неформальной обстановке – это был истинный праздник духа, где не было банальности и застольной скуки.

В третий, завершающий день бард-форума, когда гости уже разъезжались, прошла итоговая пресс-конференция для СМИ, ставшая не просто отчетом, а размышлением о судьбе и перспективах жанра авторской песни, о месте творчества Владимира Высоцкого в современной культуре, о значимости его в нынешнем мире. Со временем это имя растет и становится определенным символом эпохи, тем, что одухотворяет нас и, как определил когда-то Виктор Шкловский, делает людьми. Значит, бард-форумам имени В. Высоцкого в Бресте быть!

Николай АЛЕКСАНДРОВ
Фото Ирины ШЕПЕЛЕВИЧ

P.S. В недалеком будущем в Бресте может появиться памятник В. Высоцкому. На исходе 2015 года мэр города Александр Рогачук сказал: «Мы будем стараться, чтобы в следующем году была установлена скульптурная композиция, посвященная этому замечательному барду, имеющему непосредственное отношение к нашему городу».

Проект памятника разработал брестский скульптор Алексей Павлючук. Это будет композиция, не повторяющая существующих памятников Высоцкому, коих немало в разных городах бывшего Союза. Подножием станет масштабный виниловый диск. По его краю полукружием — скамья, на которой смогут уместиться десяток, а то и больше человек. С краю скамьи, на парапете, сидящий в вольной позе Высоцкий с гитарой. Уникальность композиции в том, что это будет не просто памятник, а сценическая площадка, где могут проводиться концерты бардов. Установить ее решили в сквере возле гостиницы «Буг».

Участники гала-концерта I Международного бард-форума «Полоса нейтральная», г. Брест

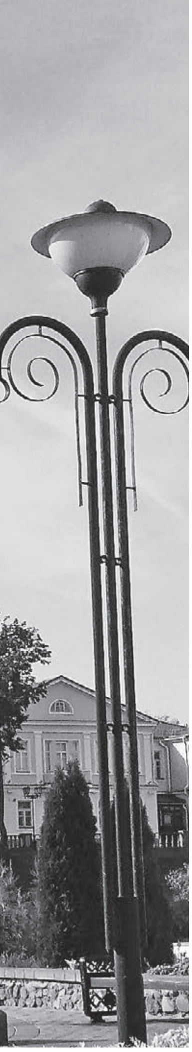

Помніка князю Альгерду віцьбічы чакалі чатыры гады. І чакалі б яшчэ сорак чатыры, каб не «новая палітычная сытуацыя», як выказваўся самы хамелеоністы герой беларускай сцэны Мікіта Зносак. Вось жа ўмеў чалавек прыстасавацца — і да палякаў, і да немцаў, і да бальшавікоў, і да БНР. Праўда, трапляў часам у вартыя жалю становішчы, калі гледачы ў зале не ведалі, плакаць ім ці смяяцца. Што ж, на тое яна і трагікамедыя — як вызначыў жанр сваіх «Тутэйшых» Янка Купала.

Віцебскі дыскамфорт князя Альгерда

«Новую палітычную сытуацыю» для кіраўніцтва Беларусі гэтым разам вызначылі падзеі ва Украіне. Азірнуўшыся вакол, яно неспадзявана пабачыла «русский мир», на абарону якога ў любы момант можа прыляцець расійскі дэсант. Гэта ж трэба — дваццаць гадоў будаваць «сильную и процветающую» Беларусь, якая па ўсіх прыкметах (найперш моўных) падыходзіць пад гэтае прыдуманае ў Крамлі вызначэнне. Ніякі Даль вам не растлумачыць, што такое гэты «русский мир». А на абывацельскім узроўні ўсё выглядае прасцей простага: гаворыш па-расійску — значыць, ты і ёсць «русский мир». Што тут галаву ламаць?

Быць часткай «русского мира», хай сабе і шасцігуберневай, кіраўніцтву Беларусі відавочна не хочацца. Як там наш мудры народ гаварыў у падобных выпадках? Як топішся, то і за саломку ўхопішся. Вось і пачало кіраўніцтва хапацца за ўсё, што адрозніваецьме яго ад «русского мира». Мову беларускую раптам успомніла — і тут жа нават апазіцыянеры ў ладкі запляскалі: «Як хараша прамаўляе! Гэта яго родная мова!» На Дзень перамогі георгіеўскія стужачкі забараніла, замест іх чыноўнікі чырвоназялёныя банцікі пачапілі — маўляў, мы адрозныя ад «русского мира». Думаецца, што і новы пампезны Палац незалежнасці ў ландшафт ускраіны «русского мира» абсалютна не ўпісваецца. Беларускага там усё ж нямала — «на камні, жалезе і золаце». Ад слуцкага пояса ў зіхотным ад раскошы фае да Пагоні на прылеглай плошчы.

Міхась СКОБЛА

З тае самае оперы і новапаўсталы ў Віцебску конны помнік вялікаму князю Альгерду. Міндоўг у Наваградку пачакае, Гедымін у Лідзе пачакае, сённяшняя «палітычная сытуацыя» вымагае ўзняць на пастамент Альгерда! На Маскву трыма паходамі хадзіў? Хадзіў. Да Крамлёўскай брамы дзіду прысланяў? Прысланяў. Ад маскоўскіх баяраў выкуп на Паклоннай гары браў? Браў. Ах ты, князь наш геройскі, такі як трэба, сядай на бронзавага каня і пільна аглядай усходнюю мяжу, ці не паўзе падступны вораг абвяшчаць «Віцебскую народную рэспубліку». Мы табе і відушчага сокала на руку пасадзім — толькі ж не праваронь захопнікаў. Як заўважыш, дай знаць — змабілізаваны па трывозе БРСМ за ноч выкапае супрацьтанкавы роў ад Віцебска да Гомеля такой глыбіні і шырыні, што ўсе паўднёва-заходнія ўкраінскія губернатары пазайздросцяць…

Урэшце, ліха з ёю, з «палітычнай сытуацыяй». Сітуацыя пераменіцца — помнік застанецца. І ў Віцебску застанецца, і ў Полацку, дзе князь Усяслаў Чарадзей з пастамента таксама не дужа міралюбна на ўсход паглядвае. Думаецца, і Міндоўг з Гедымінам свой час падгадаюць і асядлаюць бронзавых коней адпаведна ў Наваградку і Лідзе. А раз пайшла ў нас такая тэндэнцыя — вялікіх князёў ушаноўваць, — то трэба паклапаціцца, каб прыжыліся яны не толькі на нашых вуліцах і плошчах, але і ў школьных падручніках, у свядомасці людзей. Умоўна кажучы, каб пстрыкнуў я тэлекнопкай, а на экране — гістарычная рэканструкцыя, скажам, міцкевічаўскай балады «Тры Будрысы»: «Маю клопат я пільны — наказалі мне з Вільні, / што ідуць ваяваць неўзабаве / Кейстут-князь з крыжакамі, а Альгерд — з маскалямі, / а Скіргайла на ляхаў зуб мае. / Я наказ вам цяпер дам: ты ідзі за Альгердам, / ён на Ноўгарад сілу абрыне…». Пстрыкнуў яшчэ раз, а на другім канале — мастацкая экранізацыя гістарычных раманаў Вольгі Іпатавай «Вяшчун Гедыміна» і «Альгердава дзіда».

«Прыйдзе час — будзе і квас, не ўсё зараз», — чую я галасы нацыянальных аптымістаў. Пагаджаюся. Каб уся Польшча прыйшла ў захапленне ад «Пана Тадэвуша» і «Пана Валадыеўскага», мусілі прамінуць дзесяцігоддзі і нарадзіцца Анджэй Вайда і Ежы Гофман. Здаецца, пакуль кінастудыя «Беларусьфільм» на маштабныя гістарычныя праекты і не замахваецца. Зрэшты, аднойчы замахнулася — на «Каласы пад сярпом тваім». Праўда, замах той далей сцэнарыя не пайшоў.

Прызнаюся, блукаць доўгімі і змрочнымі калідорамі «Беларусьфільма» ў мяне вялікай ахвоты няма. Школьныя падручнікі па гісторыі з глядзішча прысутнасці там вялікіх князёў пагартаем таксама хіба іншым разам. А тут і цяпер давайце зазірнем у гісторыю Віцебска. Без сумневу, жыццяпіс князя Альгерда — адна з яе яскравых старонак.

Мяркуючы па тым, як доўга і далікатна князя ўсаджвалі верхам, як нешта там шліфавалі і падкручвалі, сядзець яму на кані камфортна. Але ці камфортна князю ў горадзе Віцебску? Ці не абражае што яго княжацкую годнасць? Як жа не абражае? Вялікага князя, абаронцу і збіральніка беларускіх земляў гарадскія ўлады прапісалі на вуліцы… Суворава. Абаронцу — на вуліцы захопніка! Касінераў Касцюшкі з гарматаў расстрэльваць — вось і ўсе ягоныя ратныя подзвігі ў Беларусі. Як жа тут не абразіцца князю?

Падазраю, што па начах ён цішком з'язджае з пастамента і ў пошуках больш адпаведнага месца вандруе па Віцебску. Як той Медны коннік з аднайменнай пушкінскай паэмы. І тут я князю спачуваю. Бо вялікі князь Альгерд абавязкова заблукае ў хітрасплятаннях гарадскіх вуліцаў з самай недарэчнай у Беларусі тапанімікай.

Мяркуйце самі: у Віцебску дзесяць (!) вуліцаў носяць імя Надзеі Крупскай, пяць — названыя ў гонар Якава Свярдлова (прычым ёсць вуліцы з парадкавымі нумарамі 10 і 11), чатыры вуліцы маюць імя Валерыя Чкалава, столькі ж дасталося Канстанціну Заслонаву, тром нададзена імя Мікалая Чарнышэўскага, яшчэ тром — Аўгуста Бебеля, дзвюм — Міхаіла Фрунзэ…

А заверне князь каня ў другі бок — патрапіць на пяць вуліцаў Сацыялістычных, тры Кастрычніцкія, чатыры Саўгасныя, тры Першамайскія, дзве Пралетарскія і рызыкуе закончыць свой шлях аж на васьмі (!) Клінічных.

Ці ж не вар'ятня? Тут не толькі ў князя, але і ў звычайнага таксіста галава закруціцца.

Назва вуліцы павінна хоць нешта гаварыць тым, хто на ёй жыве. Віцьбічы з вуліцаў Мопраўскіх (іх у горадзе дзве) наўрад ці ведаюць, што МОПР — даўно канулая ў Лету «Международная организация помощи революционерам».

А як вам такая раскладка: у Віцебску ажно чатырнаццаць (!) вуліцаў Лучосных, але адна

Міндоўг у Наваградку пачакае, Гедымін у Лідзе пачакае, сённяшняя «палітычная сытуацыя» вымагае ўзняць на пастамент Альгерда!

вуліца — на двух актораў Яроменкаў (дарэчы, не чужых Віцебску, як пераліčаныя вышэй дзеячы).

Прызнаюся, такога бязладдзя ў гарадской тапаніміцы я больш нідзе не сустракаў. У Віцебску дзясяткі вулічных найменняў шматкроць (па тры, чатыры, пяць, шэсць, сем разоў!) паўтараюцца. Гэта нейкі віцебскі феномен чыноўніцкай дурноты, ад якой старажытнаму гораду трэба патроху пазбаўляцца. Ну каму патрэбныя тры вуліцы Шавардзінаўскія, чатыры Азіна, пяць Лужаснянскіх, шэсць Палярных, сем Стадыённых, дзевяць Задарожных і дзесяць Лугавых?!

Не ведаю, як называліся віцебскія вуліцы ў часы Альгерда, але думаю, што нават у XIV стагоддзі ў горадзе над Дзвіной з гэтым быў большы парадак.

Толькі ўдумайцеся: у Віцебску ажно дзесяць вуліцаў імя Крупскай і — няма вуліцы імя Васіля Быкава. За што такі гонар Крупскай, якая ў 20-я гады апантана чысціла бібліятэкі ад кніг Платона, Канта, Ляскова, Аксакава і Чукоўскага ды іншай «буржуазнай каламуці»? У горадзе пяць вуліцаў Свярдлова і — ніяк не ўшанаваны Рыгор Барадулін. Затое ўшанаваны Свярдлоў, які прымаў рашэнне аб расстрэле царскай сям'і, дзе былі непаўнагадовыя дзеці, і які быў адным з ініцыятараў чырвонага тэрору. Навошта віцьбічам дзве вуліцы Фрунзэ, які тапіў у крыві масавыя сялянскія паўстанні ва Украіне і Самарскай губерні? Пераназавіце адну з іх у гонар паэта Генадзя Бураўкіна.

І Быкаў, і Барадулін, і Бураўкін — нараджэнцы віцебскай зямлі, яе гонар і слава. Пра быкаўскія Бычкі на Віцебшчыне ведае ўвесь свет. Барадулін навечна падараваў сябе Віцебшчыне. Песні Бураўкіна штолета лунаюць над Віцебскам падчас «Славянскіх базараў»… Дык чаму мясцовая ўлада і пальцам не паварушыць, каб хоць на паўадсотка выправіць тую тапанімічную бязглуздзіцу, якая сёння існуе ў горадзе? Некаму ж трэба пачынаць.

А можа, змены да лепшага прынясе ў Віцебск вялікі князь Альгерд? Няўжо ён не адолее Суворава? Не такі ўжо непераможны гэты расійскі генералісімус. Вунь у вёсцы Малыя Круговічы на Ганцаўшчыне сабраліся жыхары і пераназвалі вуліцу Суворава імем свайго земляка, паэта Віктара Гардзея. Прыжыццёва. А старыя вулічныя шыльды сабралі і спалілі. Каб і духу сувораўскага на ганцавіцкай зямлі не было.

Учынак мірных сялянаў варты пераймання па ўсёй Беларусі. А для ваяўнічага князя Альгерда прагнаць са сваёй зямлі акупанта — справа гонару.

Як беларус

Жыхар Баранавіч Іван Федарцоў у 1961 годзе на два месяцы стаў мадэллю. Аднак на подыум ён не выходзіў. З ім працавалі скульптары, якія стваралі помнік першаму касманаўту СССР Юрыю Гагарыну.

Цяпер Івану Паўлавічу Федарцову 75 гадоў, а ў той час было толькі дваццаць і ён вучыўся ў Смаленскім інстытуце фізкультуры. Паехаў ён туды з Пастаўскага раёна Віцебскай вобласці, дзе скончыў школу і папрацаваў у ёй настаўнікам фізкультуры. Вялікая для ўсяго Сусвету падзея — першы палёт чалавека ў космас, дакладней, першы паспяховы палёт, адбыўся 12 красавіка 1961 года. Гэта быў вельмі адметны час — першым касманаўтам стаў савецкі чалавек! Усе дзеці марылі тады стаць не паспяховымі бізнэсоўцамі-мільянерамі і нават не начальнікамі, а менавіта касманаўтамі ці хаця б лётчыкамі.

Гэта важная падзея адлюстроўвалася нават на побытавым узроўні. У продажы адразу з'явіліся этыкеткі на запалках з партрэтамі Гагарына, які быў у афіцэрскай фуражцы ці ў шлемафоне. І як нам, падлеткам, хацелася мець у калекцыі і адну, і другую «марку» з яго выявай! Тады маркамі мы называлі звычайныя этыкеткі. Мы нават хадзілі ў недалёкі ад вёскі райцэнтр Івацэвічы, каб выменяць жаданую этыкетку ў дальнабойшчыкаў, што спыняліся каля рэстарана і заправачнай станцыі.

Той вясной Івана Паўлавіча, вызваліўшы ад лекцыі, паклікалі ў кабінет рэктара інстытута. Першая думка была: «За што?» А ў кабінеце яго ўжо чакала прадстаўнічая камісія, супрацоўнікі мастацкіх маскоўскіх майстэрняў. Іх работу курыраваў Леў Кербель, пазней — народны мастак СССР, Герой Сацыялістычнай Працы, што за свой творчы шлях стварыў больш за 70 помнікаў і мемарыялаў. Падчас размовы ў кабінеце рэктара Іван Федарцоў атрымаў прапанову пазіраваць мастакам, каб яны выканалі скульптуру Юрыя Гагарына, якую планавалі ўсталяваць у Маскве. Трэба сказаць, мастакі мелі рацыю, запрасіўшы

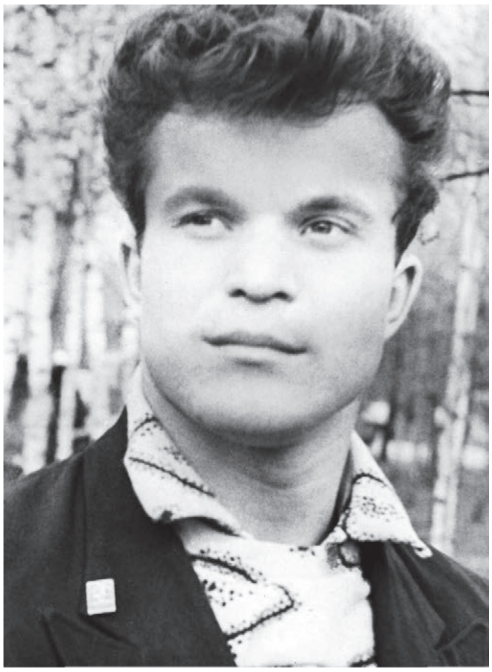
стаў прататыпам Юрыя Гагарына

Аляксей БЕЛЫ

Юрый Гагарын

Іван Федарцоў

менавіта Івана Федарцова. І не толькі з-за некаторага знешняга падабенства з касманаўтам, які нарадзіўся якраз у Смаленскай вобласці, у вёсцы Клушына. Справа ў тым, што Іван у той час сур'ёзна захапляўся спортам і не толькі «цягаў штангу», але і займаўся модным у той час на Захадзе культурызмам. У выніку ўпартых заняткаў ён стаў майстрам спорту СССР па акрабатыцы, лёгкай атлетыцы (кіданне молата), скачках з месца ў даўжыню, штанзе. Яшчэ ён быў чэмпіёнам Расіі па штурханню ядра, чэмпіёнам у камандным першынстве па штанзе сярод прафсаюзаў.

— Пасля заняткаў у школе я танцаваў ў ансамблі, — расказвае Іван Паўлавіч. — Там выпрацаваў такую прыгучасць, што з месца лёгка браў 3 м 40 см. Быў і суддзёй Усесаюзнай катэгорыі па штанзе. Увогуле, што тычыцца штангі, то ў вагавай катэгорыі 90 кг у мяне была цяга на ўзроўні 485 кг, а ў прысяданні — 270. Каб было тады трохбор'е, пауэрліфтынг, стаў бы чэмпіёнам свету, — зазначае ён.

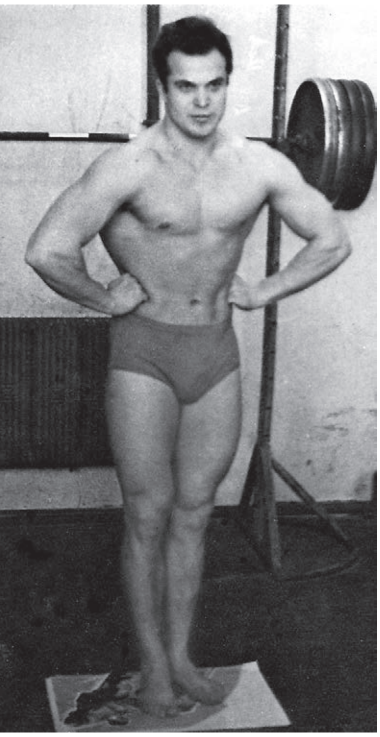
Такія вынікі прыйшлі не адразу, усё давалася цяжкай працай. Што тычыцца культурызму, то на той час, у 1961-м, нават паказальныя выступленні спартсменаў насілі неафіцыйны характар. Праводзіліся яны ў Рызе, Ленінградзе, іншых вялікіх гарадах. Іван, дзякуючы свайму атлетычнму складу фігуры, быў прызерам і такіх чэмпіянатаў. І калі яму прапанавалі папазіраваць мастакам, ён адразу пагадзіўся. Было гэта вясной 1961 года, адразу пасля палёта Гагарына ў космас, а доўжыўся творчы працэс амаль два месяцы. Прыемным ў гэтай прапанове было і тое, што Іван Федарцоў некалькі разоў бачыў Гагарына, які прыязджаў на сваю малую радзіму, у Смаленск.

— Мне даводзілася стаяць у плаўках у адной з двух вызначаных мастакамі поз па паўтары-дзве гадзіны, — расказвае Іван Паўлавіч. — А позы былі такія: адна, скіраваная ў вышыню, да зорак, з паднятаю ўгору рукой, а другая — нібы ў палёце, рукі апушчаныя ўніз.

Вядома ж, ніякіх грошай Іван як мадэль не атрымліваў, ды і ад заняткаў яго ніхто не вызваляў. Але мастакі зрабілі некалькі скульптурных копій і адну з іх, выкананую з гліны, вышынёй сантыметраў 75, пакінулі ў падарунак Івану. Дарэчы, і твар у скульптуры быў не Гагарынскі, а нашага героя. Ён паставіў яе на падваконне ў інтэрнаце, дзе жыў. Вядома ж, студэнцкае жыццё вірлівае, неспакойнае — заняткі, сесіі, гулянкі, спазненні ў інтэрнат… Нехта з хлопцаў аднойчы прабіраўся ў «абшчагу» праз яго акно, знянацку зачапіў скульптуру, якая ўпала на падлогу і разбілася.

— Спачатку хацеў склеіць, — расказвае Іван Паўлавіч. — Але то часу не было, то жадання, то на спаборніцтвы ездзіў. Потым махнуў на задумку рукой і выкінуў рэшткі.

У інстытуце Івана Федарцова як спартсмена ведалі многія. А пасля таго як ён папазіраваў мастакам,

увогуле адбою ад дзяўчат не было. Вахцёрка ў інтэрнаце скардзілася: «Табе столькі аднаму лістоў прыносяць, сколькі ўвесь астатні інтэрнат не атрымлівае!»

Пасля заканчэння інстытута Іван Федарцоў працаваў у Смаленску трэнерам, дырэктарам ДЮСШ. Быў старшым трэнерам вобласці па штанзе. Давялося папрацаваць і трэнерам у спартыўнай роце ва Уруччы. Сярод яго выхаванцаў — чэмпіёны і рэкардсмены свету, такія як Вячаслаў Камісараў, браты Рыбаконі. У камандзе былі заслужаны майстар спорту, чэмпіён свету Мікалай Костылеў, майстар спорту Аляксандр Карніенка. З 1970 года Іван Паўлавіч Федарцоў жыве ў Баранавічах. І тут падрыхтаваў дзесятка паўтара чэмпіёнаў і прызёраў рэспублікі па штанзе, двух майстроў спорту міжнароднага класа, чэмпіёнаў Паветраных Сіл. Працаваў трэнерам, старшынёй спартыўнага таварыства «Спартак», кіраваў фізічным выхаваннем у тэхналагічным тэхнікуме.

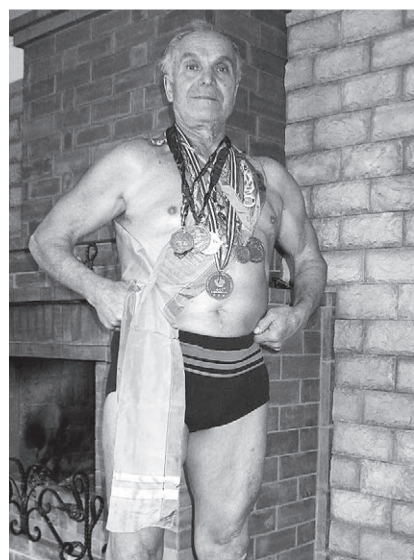
Што тычыцца помнікаў Гагарыну, то як ні імкнуліся скульптары пры жыцці касманаўта адлюстраваць яго ў бронзе ці хаця б у бетоне (Юрый Гагарын трагічна загінуў 27 сакавіка 1968 года), атрымалася гэта значна пазней. Так, да 10-годдзя палёта чалавека ў космас помнік Гагарыну было вырашана паставіць у горадзе Энгельсе Саратаўскай вобласці, недалёка ад месца прызямлення касманаўта. Там скульптарам пазіраваў таксама спартсмен, трэнер тамтэйшых гімнастаў Шыршоў. У тым жа 1971 годзе скульптуру ўсталявалі ў Доме піянераў, а праз 10 год перанеслі да Дома афіцэраў. У 1981 годзе яшчэ адзін Гагарын з'явіўся непасрэдна на месцы прызямлення. Ёсць і фігура касманаўта на пастаменце, усталяваная на Ленінскім праспекце ў Маскве напярэдадні Алімпіяды ў 1980 годзе. Фігура атлетычная, нібы ў палёце, з напружанымі, апушчанымі ўніз рукамі. Па словах Івана Паўлавіча Федарцова, скульптура, якую ляпілі з яго, «прызямлілася» якраз у Маскве.

Але не толькі ў былой сталіцы СССР стаяць помнікі першаму касманаўту. Ёсць яны ў расійскіх Калузе, Смаленску, Клушына, Люберцах, Таганрозе, Бранску. І яшчэ шмат у якіх іншых краінах, у тым ліку ў Чэхіі, Амерыцы, Індыі, Англіі, Узбекістане...

Цяпер Іван Паўлавіч на пенсіі. І ўзгадвае ён часам не толькі пра тое, як дабіваўся поспехаў у вялікім спорце, а і пра ваеннае дзяцінства. «Мама расказвала, як мяне немец на руках насіў, калі яе і бабулю забралі ў працоўны лагер, — успамінае ён. — Вязні тады вымушаныя былі працаваць на лесапавале, сельскагаспадарчых работах...»

Але Іван Федарцоў жыве не толькі ўспамінамі. Ён ізноў пры справах. Робіць людзям печкі, каміны, барбекюшніцы. Клаў нават печ у лазні аднаму з расійскіх міністраў на Рублёўцы.

А яшчэ (і гэтым Іван Паўлавіч займаецца найбольш часу) прапагандуе сістэму аздараўлення і займаецца сам. «Мой дзед пражыў 107 год, быў знахарам — гаворыць наш герой. — Лячыў людзей, жывёлу, бо меў моцную энергетыку». Бабуля Федарцова была траўніцай. Перажыўшы рэвалюцыі і войны, прайшоўшы праз нямецкі лагер, яна пражыла 96 год. Жанчына часта брала ўнука ў лес. А цяпер зёлкі збірае ён сам. Чай п'е толькі з траваў — бяссмертніку, зверабою, багуну. Але аздараўленне — гэта не толькі травы. У бібліятэчцы Івана Паўлавіча кнігі Раймонда Моўдзі «Жыццё пасля жыцця», Джона Кехо «Падсвядомасць можа ўсё». Федарцоў збірае і сістэматызуе матэрыялы, што тычацца Тыбету, Індыі. У яго выпрацаваныя свае сістэмы харчавання, дыхання і фізічных практыкаванняў. Можа таму ў свае 75 год ён ні разу не звяртаўся да дактароў, не выпіў ні адной пілюлі, не рабіў ніводнай прышчэпкі і ніколі не хварэў! І гэта пры тым, што заўсёды сярод людзей і ад інфекцый не застрахаваны. Федарцоў водзіць аўтамабіль. І калі ў 73 гады прыйшоў у клініку, каб прайсці медыцынскую камісію, там вельмі здзівіліся, што ў яго няма аніякай медыцынскай карткі. А яго сённяшняя мара — арганізаваць у горадзе спаборніцтвы па культурызму і ўзяць у іх удзел.

«Хутка праходзіць маладосць, хутка пройдзе і жыццё. Спыніць гэты працэс немагчыма, але замарудзіць — ў нашых сілах», — лічыць Іван Федарцоў.

«БАЖны дзень»

Фота Валянціны Зянковай

Чарговы «БАЖны дзень» адбыўся на пачатку лютага. Пад час мерапрыемства новыя сябры пазнаёміліся з супрацоўнікамі цэнтральнага офіса, даведаліся пра гісторыю і традыцыі арганізацыі, яе партнёрскія сувязі, дасягненні, пра тое, якія сервісы БАЖ прадастаўляе сваім сябрам і чаго чакае ад іх.

Новых бажаўцаў заклікалі да ўдзелу ў творчым конкурсе «Вольнае слова», адукацыйных праграмах ды стварэнні карпаратыўнага часопіса «Абажур».

Альгерд

(~1295 — май 1377) — вялікі князь літоўскі (1345—1377). Сын Гедзіміна.
У 1318 годзе ажаніўся з віцебскай княжной Марыяй і ў 1320 годзе пасля смерці віцебскага князя атрымаў яго княства ў спадчыну.
Калі ў 1341 годзе Гедзімін надзяляў сыноў, Альгерд да Віцебскага княства атрымаў Крэва і землі паабапал р. Бярэзіны.
У 1345 годзе разам з братам Кейстутам скінуў з віленскага стальца іншага свайго брата Яўнута, стаўшы вялікім князем.

Альгерд адбіваў наступ Тэўтонскага ордэна.
У 1342 годзе дапамог Пскову супраць немцаў, а яго сын Андрэй стаў пскоўскім князем. Паспяхова праводзіў палітыку аб'яднання зямель колішняй Русі ў адзінай дзяржаве — Вялікім княстве Літоўскім. Яшчэ ў бытнасць толькі князем віцебскім, дапамагаў Смаленску супраць Масквы. Далучыў да ВКЛ землі колішняга Чарнігаўскага княства (каля 1355).
Залежным ад яго было і Смаленскае княства.
У 1356, 1359 і 1362 гадах далучыў гарады Ржэў, Мсціслаў і Таропец.

У канцы 1362 года, пасля бітвы на Сініх Водах, далучыў да ВКЛ Падольскую, Валынскую і Пераяслаўскую землі, паўднёвае Падняпроўе, прычарнаморскія землі ў вусці Серата, басейнах Днястра і Паўднёвага Буга.
Пасадзіў удзельным князем у Кіеве свайго сына Уладзіміра, Падолле перадаў навагародскім князям Карыятавічам, войскі якіх складалі значную частку сіл у бітве на Сініх Водах.
У падтрымку цверскіх князёў здзейсніў тры паходы на Маскву (1368, 1370, 1372).
Спрабаваў падпарадкаваць сабе Пскоў і Ноўгарад, вёў барацьбу з Польшчай за Валынь, Падляшша і Галіцыю (1349—1351, 1366).
За яго часам тэрыторыя ВКЛ павялічылася больш чым у 2 разы.

Пражыў больш за 80 гадоў, кіраваў дзяржавай 32 гады.
Ад двух жонак — Марыі Віцебскай і Юліяніі Цверскай — меў 12 сыноў, у т.л. Ягайлу, Андрэя, Свідрыгайлу, Скіргайлу, Уладзіміра.